

ВОКРУГ
ТЕБЯ —
МИР...

КНИГА ДЛЯ УЧЕНИКА
5 класс

ДП-124 Лесной район, область,
Рязанский район,
с. Рязань.
Большая и средняя школа
Тел. 41159
Р/сч. 61130067 РСН п. Прохоровка

**ВОКРУГ
ТЕБЯ —
МИР...**

Рекомендовано Управлением развития
общего среднего образования Министерства
образования Российской Федерации в качестве
пособия для дополнительного чтения

Москва
Международная академическая
издательская компания "Наука"
1996

Авторский коллектив:

Общее руководство: ДЕЛЕТРОЗ Ален, Делегат Международного Комитета Красного Креста

Консультанты: ШИШКИНА Валентина Васильевна, начальник Управления программ Центрального комитета Российского Общества Красного Креста
РОЗОВ Анатолий Маратович, координатор образовательных программ в России, Международный Комитет Красного Креста

Авторы: ВЫБОРНОВА Вероника Юрьевна, кандидат педагогических наук, МПГУ (темы 1, 3, 4, 6–11)
САВОВА Марина Робертовна, кандидат педагогических наук, МПГУ (темы 2, 5)

Художественное оформление и иллюстрации: СУРЬЯНИНОВ Губен Васильевич, заслуженный художник РСФСР

Вокруг тебя – Мир...: Книга для ученика. 5 класс / Авт.-сост. А. Делетроз, В.Ю. Выборнова, М.Р. Савова, А.М. Розов, В.В. Шишкина. – М.: Издательство МАИК "Наука", 1996. – 96 с.: ил. – ISBN 5-02-003660-9.

Книга для ученика является составной частью пособия к урокам литературы для 5 класса, подготовленного Международным Комитетом Красного Креста совместно с Российским Обществом Красного Креста. Цель данного пособия – помочь учащимся взглянуть на произведения русской и зарубежной литературы не только с традиционных точек зрения, но и с позиций этических норм Международного гуманитарного права.

В 4306020400-070 без объявления
042(02)-96

ББК 81-93

Дорогой друг!

Вот ты и закончил начальную школу и стал постепенно открывать для себя новый, не совсем знакомый до сих пор ВЗРОСЛЫЙ МИР. Каков этот МИР? Как в нем живет человек? Чем этот МИР встречает тебя? Ответить на эти вопросы не очень просто. Помогут тебе в этом новые предметы, новые учителя, новые книги.

Международный Комитет Красного Креста и Российское Общество Красного Креста предлагают тебе одну из таких книг. Знакомить тебя с ней будет учитель литературы. Это не случайно: ведь в ней собраны литературные произведения, созданные в разные времена людьми разных национальностей. Всех их объединяет стремление разобратся в сложностях большого разнородного мира.

Чего же хотят создатели этой Книги? Чтобы ты, взрослея, не просто разбирался в том, что хорошо, а что – плохо, но стремился понять окружающих тебя людей и повлиять на ход зависящих от тебя событий. Чтобы ты учился размышлять над увиденным, услышанным, прочитанным. Чтобы у тебя было собственное мнение, которое ты мог бы отстаивать. Чтобы ты мог объяснить свою позицию другим.

Занятия по этой Книге будут не совсем обычными, потому что на них нужно будет говорить именно то, что думаешь, и думать именно ТЫ. И ты увидишь, как много тебе откроется в твоих, казалось бы, давно знакомых одноклассниках.

Мы хотим обратить твое внимание на письменные работы. Когда они тебе помогут? Когда всем хочется высказаться, а времени на занятия остается мало. Или когда нужно хорошо обдумать свой ответ, сосредоточиться. Или когда не все хочется произносить вслух. Если ты отвечаешь письменно, учитель всегда будет знать, что именно ТЫ думаешь по этому вопросу.

В этой Книге тебе встретятся и не совсем обычные задания: в них нужно выбрать правильный ответ из нескольких вариантов. Ты сразу подумал, что это очень просто? Не торопись с выводом. Многие из этих заданий “с секретом” – в одних может быть несколько правильных ответов, а в других – все неверные, в третьих – все верные, но неточные. И, самое главное, каждый раз тебе придется объяснять, почему ты считаешь так, а не иначе.

В этой Книге ты будешь выполнять задания, которые помогут тебе выразить свое представление о прочитанном произведении и о его героях в виде комикса, диафильма и более “серьезных”, “взрослых” работ, например, целого сборника литературных произведений.

Мы будем рады, если тебе понравятся занятия по нашему пособию. И мы надеемся, что они помогут тебе взглянуть по-другому на твоих друзей, на родных, на самого себя, и тогда ты увидишь, что вокруг тебя – МИР, в котором ты живешь сейчас и в котором тебе жить, когда ты повзрослеешь, МИР, которому нужны

твое внимание,

твое сострадание,

твоя защита.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА 1

Анри Дюнан – основатель
Красного Крестас. 6
Заданияс. 14

ТЕМА 2

Общее Счастье
Из фольклора народов
Северного Кавказас. 17
Заданияс. 23

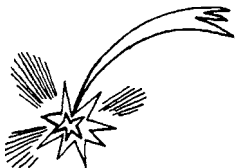
ТЕМА 3

Т. Александрова
Светофорчикс. 24
Заданияс. 25

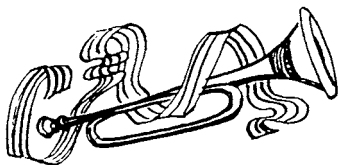
ТЕМА 4

А. Платонов
Неизвестный цветок.
Сказка-быльс. 27
Заданияс. 30

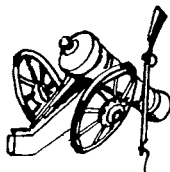
ТЕМА 5

О. Уайльд
Мальчик-звезда....с. 33
Заданияс. 48

ТЕМА 6

Л. Толстой
Отрывки из романа
"Война и мир".....с. 50
Задания.....с. 69

ТЕМА 7

Д. Давыдов
1812 год. Отрывок
из дневника.....с. 71
Задания.....с. 73

ТЕМА 8

Ф. Глинка
Последнее уничтожение
на Бородинском поле....с. 74
Задание.....с. 77

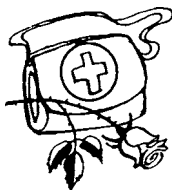
ТЕМА 9

А. Куприн
Чудесный доктор....с. 78
Задания.....с. 86

ТЕМА 10

Е. Носов
Трудный хлеб.....с. 88
Задания.....с. 92

ТЕМА 11

Вокруг нас – Мир.....с. 93

Условные обозначения:

В
Ы
Б
Е
Р
И

– упражнение на выбор варианта ответа

– работа в парах

– работа в группах

– письменная работа

АНРИ ДЮНАН – основатель Красного Креста

Анри Дюнан (1828–1910) был обыкновенным молодым коммерсантом из Женевы. Он мирно работал в этом городе, расположенном на берегу большого озера, и ничего не знал о страданиях, которые несет с собой война. Дело в том, что он жил в Швейцарии – стране, которая с 1815 года, по общему согласию европейских держав, проводила политику нейтралитета и воздерживалась от участия в войнах между государствами.

Но однажды, в 1859 году, Анри Дюнан отправился по делам в Италию, где в ту пору велась война: итальянцы и французы воевали против австрийцев.

Разъезжая по стране, Дюнан случайно оказался среди раненых солдат, участвовавших в битве при Сольферино, и был потрясен увиденным.

“В ночной тишине слышались стоны, подавленные вздохи тоски и страдания и раздирающие душу крики о помощи, – ничто не в силах передать весь ужас этой ночи.

25 июня солнце осветило самое ужасное зрелище, какое только может представить себе человеческое воображение. Все поле битвы усеяно трупами людей и лошадей; дороги, канавы, овраги полны мертвыми телами, а в окрестностях Сольферино земля буквально сплошь покрыта ими. Поля изрыты, маис и пшеница повалены, изгороди сломаны, фруктовые сады разорены, кое-где стоят лужи крови. Деревни опустели, и везде видны следы пуль и снарядов; стены расшатаны и дали трещины; дома пробиты или разрушены; жители более суток провели, спрятавшись в подвалах, в темноте и без пищи; теперь они начинают вылезать, и видно по их лицам, какой страх они перенесли. В окрестностях Сольферино, особенно на деревенском кладбище, земля усеяна ружьями, ранцами, касками, кепи, шарфами, всевозможными частями обмундирования, обломками оружия и даже ключьями одежды, пропитанной кровью.

Несчастные раненые, которых поднимают в течение дня, мертвенно-бледны и совершенно обессилены; у некоторых, особенно у тяжело раненных, взгляд отупелый, они точно ничего не понимают, бессмысленно смотрят, но это кажущееся притупление не мешает им ощущать страдания; иные возбуждены и содрогаются от нервной дрожи; другие с воспаленными, зияющими ранами точно обезумели от жестоких страданий: они умоляют их прикончить и с искаженными лицами бьются в предсмертных судорогах.

Там несчастные, не только раненные пулями и снарядами, но еще с раздробленными руками или ногами от проехавших по ним артиллерийских орудий – так впоследствии, в 1862 году, Анри Дюнан описал увиденное в книге “Воспоминание о битве при Сольферино”.

Особенно возмущил молодого швейцарца такой эпизод: услышав о прорыве австрийских войск, местные жители поддались панике и стали спасаться бегством, совершенно забыв о раненых солдатах. Молодой человек взялся оказывать помощь пострадавшим. Но вскоре он понял, что в одиночку ему не удастся помочь всем раненым. Он попытался привлечь к их спасению добровольцев из числа жителей Сольферино, которые сначала неохотно откликнулись на его обращение.

Тогда Анри Дюнан крикнул им: *“Все мы братья!”* – и благодаря этому призыву ему удалось преодолеть сопротивление жителей Сольферино – мужчин и женщин – и достучаться до их сердец. Постепенно добрая воля и энтузиазм взяли верх. Раненым была оказана помощь.

Вернувшись в Женеву, Дюнан написал книгу, в которой не только рассказал об ужасном положении солдат после битвы при Сольферино, но и выдвинул идею подписания всеми государствами конвенции о защите жертв войны. В 1863 году Дюнан решил создать вместе со своими друзьями организацию по оказанию помощи раненым во всем мире.

“Зачем было рассказывать обо всех этих страданиях и вызывать, вероятно, излишнее впечатление? Зачем описывать потрясающие картины с мельчайшими подробностями, кажушимися безнадежными до отчаяния?”

На этот естественный вопрос надо ответить тоже вопросом:

Отчего нельзя основать добровольные общества, которые во время войны подавали или организовывали бы помощь раненым и уход за ними?"

Эмблемой этой организации они выбрали красный крест. Эта эмблема красного креста, размещенная на санитарных повозках и на одежде санитаров, должна была показывать, что члены Красного Креста не являются военнослужащими. Кроме того, они имели право находиться на поле боя, чтобы оказывать помощь раненым обеих сторон. В 1869 году Красный Крест распространил свою деятельность также на жертв наводнений, землетрясений, эпидемий и голода во всех странах мира.

Так случилось, что после 1869 года Анри Дюнан, отдававший созданной им организации все свои силы и средства, был забыт и жил в глубокой нищете. Однако в 1901 году о нем вспомнили и по заслугам оценили: за гуманитарную деятельность ему была присуждена первая Нобелевская премия мира, некоторые страны, в том числе и Россия, стали выплачивать ему пожизненную пенсию.

Помнят о замечательном швейцарце и сейчас: недалеко от женевского парка Бастион ему установлен памятник. Однако лучшим памятником ему служит действующее и ныне Международное движение Красного Креста и Красного Полумесяца.

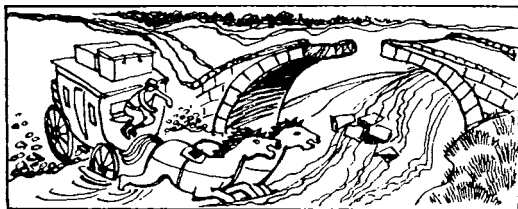
СЛОВАРЬ

Гуманитарная деятельность	– деятельность, в центре которой – человек (например, наука, образование, просвещение, медицина, культура).
Конвенция	– документ, соглашение о взаимных правах и обязательствах государств.
Хронология	– последовательность исторических событий во времени.
Держава	– 1) государство; 2) золотой шар с крестом наверху как символ власти царя.
Нейтралитет	– неучастие в войне, а в мирное время – неучастие в военных союзах государств.
Сплошь	– без перерыва, по всей поверхности.
Изгородь	– ограда из прутьев, кустов и т.п.
Маис	– кукуруза.
Кепи	– форменная фуражка с маленьким донышком и прямым козырьком.
Обмундирование	– предметы военной формы одежды военнослужащих.
Зияющий	– открытый.
Искаженные	– сильно изменившиеся под воздействием какого-либо тяжелого переживания, страха и т.п.
Судороги	– резкое, непроизвольное сокращение мышц, обычно сопровождающееся болью.

Паника	– психологическое состояние острого страха, охватывающее одного человека или многих людей; проявляется в неуправляемом, неконтролируемом стремлении избежать опасность.
Энтузиазм	– воодушевление, душевный подъем в достижении какой-либо цели.
Эмблема	– условное, символическое изображение какой-либо идеи (например, белый голубь – эмблема мира).
Нобелевские премии	– международные премии, названные в честь их учредителя шведского инженера-химика А.Б. Нобеля. Присуждаются ежегодно (с 1901 г.) за выдающиеся работы в области физики, химии, медицины и физиологии, экономики (с 1969 г.), за литературные произведения, за деятельность по укреплению мира.

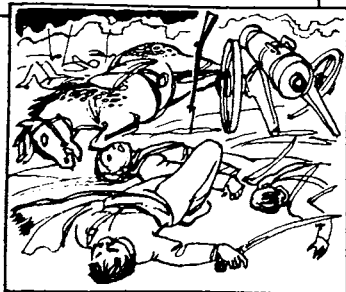

Июнь 1859 год. Северная Италия. Швейцарский предприниматель АНРИ ДЮНАН едет на встречу с французским императором Наполеоном III, ведущим войну в этих краях.

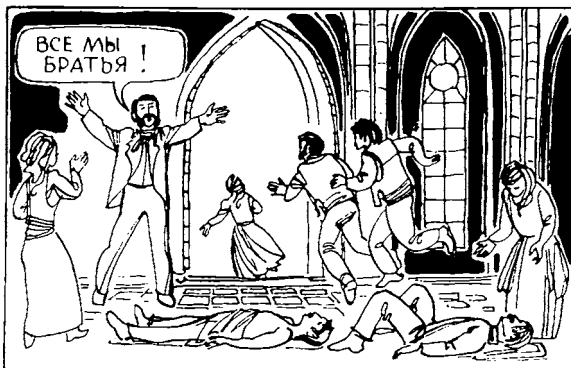
Дорога длинна и трудна. Приходится переправляться через реки и броды.
И вот у деревни Сольферино...

Луга превратились в поле боя. АНРИ ДЮНАН с ужасом смотрит на кровавую бойню — сражаются армии французов и австрийцев.

К вечеру поле усеяно тысячами раненых, умирающих и убитых.

Армейская медицинская служба плохо организована и не в силах справиться с таким количеством раненых.

АНРИ ДЮНАН
В ТАКОМ УЖАСЕ,
ЧТО ЗАБЫВАЕТ
О ЦЕЛИ СВОЕЙ
ПОЕЗДКИ.
ПРЕВРАТИВ ЦЕРКОВЬ
В ГОРОДКЕ
КАСТИЛИОНЕ
ВО ВРЕМЕННЫЙ
ГОСПИТАЛЬ,
ОН НАЧИНАЕТ
ОРГАНИЗОВЫВАТЬ
ПОМОЩЬ...

Он полностью поглощен этим делом. Он даже пишет письма семьям жертв.

АНРИ ДЮНАН ВОЗВРАЩАЕТСЯ В ЖЕНЕВУ, НО НЕ МОЖЕТ

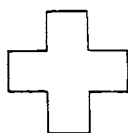

ЗАБЫТЬ ПЕРЕЖИТОЕ. ОН ПИШЕТ
КНИГУ, КОТОРАЯ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ
ДВУМЯ ПРЕДЛОЖЕНИЯМИ:
1. СОЗДАТЬ В КАЖДОЙ СТРАНЕ
ГРУППЫ ДОБРОВОЛЬЦЕВ ДЛЯ
ОКАЗАНИЯ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ
ПОМОЩИ ПОСТРАДАВШИМ.
2. УБЕДИТЬ ВСЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА
ЗАКЛЮЧИТЬ СОГЛАШЕНИЕ,
КОТОРОЕ БЫ ОБЕСПЕЧИЛО
ЗАЩИТУ ЭТИМ ДОБРОВОЛЬЦАМ.

"Воспоминание о Сольферино."

Книга выходит в свет в 1862 году и имеет большой успех. ТАК ВОЗНИК ЗАМЫСЕЛ.

В 1863 году замысел становится реальностью. АНРИ ДЮНАН с четырьмя другими гражданами ЖЕНЕВЫ создает Международный комитет по оказанию помощи раненым — будущий МККК. Создаются первые национальные общества. Разрабатываются нормы международного гуманитарного права. В связи с этим в 1864 году Международная Конференция принимает первую ЖЕНЕВСКУЮ конвенцию, призванную облегчать участь раненых на войне.

—Нашей эмблемой
будет Красный Крест на белом фоне.

раненых и больных
в действующих армиях,

Четыре ЖЕНЕВСКИХ конвенции защищают:

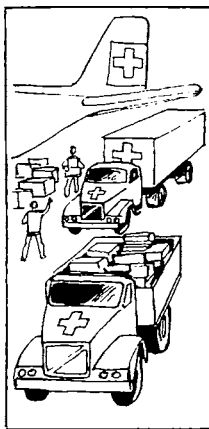
раненых, больных
и потерпевших
кораблекрушение на море,

военнопленных,

гражданских лиц во время
вооруженных конфликтов.

ОКАЗАНИЕ
ГУМАНИТАРНОЙ
И МЕДИЦИНСКОЙ
ПОМОЩИ

Сейчас действуют почти 150 национальных обществ Красного Креста и Красного Полумесяца. Продолжая оказывать помощь жертвам вооруженных конфликтов, они и в мирное время осуществляют деятельность в различных областях.

ПЕРЕСЫЛКА
СЕМЕЙНЫХ ПИСЕМ
И ВОССОЕДИНЕНИЕ
СЕМЕЙ

ПОСЕЩЕНИЕ
ВОЕННОПЛЕННЫХ
И ЗАКЛЮЧЕННЫХ

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЗНАНИЙ О ЖЕНЕВСКИХ
КОНВЕНЦИЯХ И ПРИНЦИПАХ КРАСНОГО
КРЕСТА И КРАСНОГО ПОЛУМЕСЯЦА

В 1919 году все национальные общества объединились в Международную Федерацию обществ Красного Креста и Красного Полумесяца.

Федерация оказывает помощь при стихийных бедствиях. Кроме того, она координирует деятельность национальных обществ на международном уровне.

ЗАДАНИЯ

1. Познакомься с комиксом. Сравни его с текстом рассказа об Анри Дюпане. Можно ли сказать, что они повторяют друг друга? Почему? Какие наиболее важные моменты из жизни Дюпана отражены в комиксе?

i-i 2. Удачны ли подписи к картинкам? Подбери свои подписи, обсуди их с соседом (соседкой) по парте.

i-i 3. Представь, что у тебя появилась возможность увеличить количество картинок в комиксе. Какой бы эпизод ты изобразил(а)? Какую подпись подобрал(а) бы к нему? Посоветуйся с соседом (соседкой) по парте.

4. Однажды ребята, обсуждавшие этот рассказ, решили выяснить, что же было самым главным в жизни А. Дюпана. Они высказывали разные точки зрения:

В – Он очень хотел получить Нобелевскую премию, прославиться, получить большие деньги.

Б – Дюнан был коммерсантом и надеялся организовать поставку в войска лекарств, Е бинтов, чтобы получить большую выгоду.

Р – Дюнану было очень жаль солдат. Он забыл о своих личных проблемах и хотел Н хоть чем-нибудь помочь пострадавшим при Сольферино.

А что по этому поводу думаешь ты? Согласен(на)? Нет? Постарайся не только высказать свою точку зрения, но и объяснить ее, обращаясь к тексту рассказа или комиксу.

 5. Напиши, почему слова “Все мы братья!” помогли Анри Дюнану “достучаться до сердец” жителей Сольферино.

6. Представь, что тебе предложили подобрать название к сегодняшнему уроку. Выбери его из коротких мудрых изречений, которые еще иначе называют афоризмами. Объясни классу свой выбор.

В Чтобы поверить в добро, люди должны начать делать его.

Л. Толстой

Ы Люди вместе могут совершить то, что не в силах сделать в одиночку ...

Б Д. Уэбстер

Е Хорошие поступки облагораживают нас, и мы есть плод наших собственных деяний.

М. Сервантес

Р Милосердие – это активная доброта.

И И. Шевелев

7. Дома. 1) Прочитай фрагменты из книги А. Дюпана.

2) Задай вопросы об Анри Дюпане и его книге родителям. Расспроси их о том, что они знают о движении Красного Креста и Красного Полумесяца.

- 3) Знаешь ли ты еще таких людей, в жизни которых было главное дело, повлиявшее положительно на жизнь человечества? Подготовься рассказать о них в классе.
- 4) Подумай, почему в качестве эмблемы организации, основанной А. Дюнаном, был избран красный крест на белом фоне и почему в качестве эмблемы позднее стали использовать и красный полумесяц.

Фрагменты из книги Анри Дюнана “Воспоминание о битве при Сольферино”

“Среди этой борьбы, столь разнородной и непрерывной, вырываются проклятия из уст людей всевозможных национальностей, из которых многие принуждены быть человекоубийцами в двадцать лет. [...]”

Единственный сын, обожаемый родителями, долгие годы воспитанный нежною матерью, пугавшейся малейшему его недомоганию, блестящий офицер, покинувший любимую жену и детей, молодой солдат, оставивший невесту и, вероятно, мать, сестер, старика отца. – он лежит теперь в пыли, в грязи, облитый собственной кровью, молодое красивое лицо неузнаваемо, сабля и картечь его не пощадили, он страдает и умирает; его тело, которое так лелеяли, черное, вздутое, обезображенное, бросят сейчас как попало в едва вырытую яму и засыпят несколькими лопатами земли и извести; хищные птицы не пощадят его рук и ног, торчащих из рыхлой земли. Потом вернутся, привезут земли, поставят даже, может быть, деревянный крест – и больше ничего... [...]”

На полу, на плитах больниц и церквей Кастилионе положили рядом людей всех национальностей: французов и арабов, немцев и славян; некоторые, забравшись в угол, уже не имеют силы двинуться, другие не могут тронуться от тесноты. Крики, брань, проклятия раздаются под сводами храмов.

– Ах! Как я страдаю! – говорили мне эти несчастные. – Нас бросили, нас оставляют умирать без помощи, а ведь мы хорошо дрались!

Несмотря на утомление и истощение, они не могут спать; они молят о врачебной помощи или, от отчаяния, корчатся в судорогах, которые приведут к столбняку и смерти. [...] Вот солдат, совершенно обезображенный: язык высунут чрезмерно, челюсть сломана и раздроблена; он мечется, хочет встать, я поливаю холодной водой его засохшие губы и огрубелый язык [...]. Вот еще страдалец, у которого часть лица срезана ударом сабли; нос, губы и подбородок отрезаны; он не может говорить, почти ослеп, делает знаки рукой и издаст какие-то горловые звуки, чем обращает на себя внимание; я даю ему пить и поливаю водой его окровавленное лицо”.

СЛОВАРЬ

Недомогание	– болезненное состояние.
Картечь	– снаряд со сферическими чугунными и свинцовыми пулями в металлическом корпусе или картонной упаковке предназначен для поражения живой силы противника на близких расстояниях.
Лелеять	– заботливо ухаживать, нежить.

Брань	– здесь: ругань.
Свод	– дугообразное перекрытие, соединяющее стены, опоры какого-либо сооружения.
Храм	– здание для богослужения, церковь.
Истощение	– крайняя слабость, возникающая вследствие нарушения нормального питания или нормальных функций организма.
Молить	– просить, умолять.

ОБЩЕЕ СЧАСТЬЕ

ИЗ ФОЛЬКЛОРА НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Жили-были муж и жена. И родилось у них ни много ни мало тринадцать сыновей. Выросли сыновья. Отец и мать нашли им невест и сыграли не одну, сразу тринадцать свадеб.

И стали они жить да поживать.

Отец распоряжался, сыновья всё исполняли: кто работал в лесу, кто в доме, кто на лугу, а кто в саду. Всем дела хватало. Все были довольны. Все были при деле.

Сколько времени они так прожили, кто их знает. У каждого из тринадцати братьев родилось по тринадцати сыновей.

Маленькие дети росли, росли да и выросли. Пришла пора женить их. И поженили. Сто шестьдесят девять невест привели в дом. Не одну свадьбу – сто шестьдесят девять свадеб сыграли они.

Пришло время, и у молодых тоже родилось по тринадцати сыновей. В хадзаре старика и старухи так много стало людей, что и не перечесть. Столько народу в доме, что большому селению впору.

Всего было вдоволь у старика и старухи: отары овец и коз, стада коров и буйволов, табуны лошадей; гусей, индеек, кур и уток без счету; закрома полны ячменем и пшеницей; кадушки сыра давать некуда.

И все были счастливы. Смех и песни не умолкали в доме. Все называли друг друга "мое солнышко", говорили друг с другом ласково. Каждый старался лучший кусок отдать другому, каждый хотел, чтобы у другого лучшая одежда была.

Вместе они были богаты и сильны, но подели их на отдельные семьи – и куда все уйдет, не станет ни силы, ни богатства.

И вот пришла беда: разлад в семье. Бывало, никто не скажет: "Это мое". А говорит: "Это наше". А теперь, глядя, каждый норовит взять себе, отнять у другого. "Это мой бык", – говорит один. "Это мой конь", – говорит другой. "За этой козой я ходил, ты не трогай ее", – говорит третий. "Кто выдоял мою корову?" – кричит четвертый. И так во всем. И так каждый день.

Каждый только и делает, что прячет от других все, что попадет под руку, прячет в свой сундук. Каждый кормит и ласкает только своего ребенка, а других не замечает вовсе. Случалось, что не своим детям и подзатыльники давали.

Самый старший в семье, старик отец, видит все, что делается, и сердце у него сжимается от горя. Сидит он в своем кресле дубовом, будто окаменел. Никто и не вспомнит о нем, не покормит, извелся старик. А жена его даже и сидеть не могла, все лежала в постели.

Как-то под новый год отец собрал всю семью: и старых и молодых, и мужчин и женщин, даже детей созвал и говорит:

– Слушайте, дети, что я вам скажу: пусть этой ночью ни один не выходит из дома. Если любите меня, исполните мою просьбу.

– Хорошо, – сказали все, – мы исполним твою просьбу, сами не выйдем и других не пусти.

Ночью выпал глубокий снег.

Когда день отделялся от ночи и петухи начали кричать, старик встал с постели, открыл дверь и выглянул на улицу. Видит, след взрослого идет от двери в сторону леса.

Разгневался глава семьи, вернулся к себе в комнату, грузно сел в свое кресло и велел собрать всех домочадцев до единого. Когда все собрались, отец вышел к ним и стал корить:

– Не стыдно ли вам обманывать меня? Все как один обещали мне, что никто не выйдет за дверь, а сами нарушаете свое слово.

– Клянемся солнцем, землей и небом, что ни мы, ни дети этой ночью не выходили.

– Ну ладно, посмотрим, – сказал отец. – Я узнаю, правду ли вы говорите.

Старик взял топор подмышку и пошел по следу. Шел он, шел и пришел в дремучий лес. След довел его до высокого толстого дерева и оборвался. Под деревом лежали пышные сугробы снега. Там было теплее, чем в доме у старика. Как же узнать, кто вышел из его дома? Закутался старик в шубу, остался под деревом на всю ночь, но никого так и не увидел. Тогда старик решил свалить дерево. Не долго думая, сбросил шубу и стал подру-

бать его. Рубит острым топором, и щепки во все стороны летят. Подрубил дерево уже до половины, вдруг кто-то сверху спрашивает его:

- Что ты делаешь, старик, зачем дерево валишь зря?
- А ты кто такой?
- Я Общее Счастье твоей многолюдной семьи.
- Почему же ты сидишь в лесу?

– Где же мне сидеть? Пришлось бежать из твоего хадзара. Никто в семье больше обо мне не думает, никто со мной не считается. Позабыли меня, тебя тоже забыли. У них только и заботы что о себе и своих детях. Сам посуди, как же мне оставаться в твоём доме? Где каждый думает только о себе, там мне места нет.

Старик согласился.

– Твоя правда. В моем хадзаре каждый думает о себе и часто даже во вред другому. Но ты уважь старика, вернись обратно. Сколько хватит сил, я помогу тебе, чтобы не о себе думала, а обо всех, о всей семье, о всем хадзаре.

– Не могу я вернуться в твой хадзар. Но зато я другим тебя уважу: я дам каждому из твоих домочадцев то, что он у меня попросит. Пусть только каждый просит что-нибудь одно.

Старик выслушал Счастье, подумал-подумал и сказал:

– Поклянись небом и землей, что ты непременно дашь каждому из моих домочадцев то, что у тебя попросят.

Счастье поклялось в том небом и землей.

Старик надел шубу, взял топор подмышку и отправился домой. Целый день шел старик и только вечером пришел, кинул топор в угол, а сам сердитый сел в свое кресло.

Забеспокоились, забегали его сыновья, внуки, правнуки, праправнуки и жены их, и дети их.

– Что с нашим дедом? – говорят.

– Где он был ночью?

– Не болен ли?

– Не сердит ли на нас?

– Может быть, голоден?

– А может, нездоров?

– Не озяб ли?

– Заштопаны ли его носки?

– А рубаха как?

– Не холодна ли постель?

И каждый старается угодить старшему в семье – отцу всех, тому, кто всю жизнь провел в труде, больше думая о других, чем о себе. Какой сын, какая дочь или невестка не чувствовали заботы старого отца?

А старик рассказывает:

– Счастье наше ушло от нас. И просьбы не помогли: не хочет возвращаться. Хорошо ли это?

Никто не сказал “хорошо”, но зато наперебой стали спрашивать:

– Почему Счастье обиделось? Что оно говорит?

А старый отец на это отвечает:

– Потому, что вы больше не слушаетесь меня, вашего старшего. Каждый стал думать только о себе. Пойдет на охоту, тушу серны принесет – себе, своей жене и своим детям, а не всей семье. Все говорите: “мое”, “мое”, а не “наше”. Нам большой дом нужно строить, ведь погляди, сколько вас стало, а строить никто не хочет, каждый говорит: “Себе я построю,

другим не хочу". А Счастье так говорит: "Где не хотят общего добра, а один тянет себе, другой се, там нет места счастью. Разве у вас есть место для меня?"

Все молча слушали слова старика. И каждый думал про себя: "Правду говорит Счастье".

– Сегодня утром Счастье сказало мне: "Иди домой. Я уважаю тебя, дам каждому из твоих домочадцев то, чего у меня попросят. Пусть только каждый просит что-нибудь одно". Пусть и старый и молодой, и мужчина и женщина скажет, что он хотел бы попросить у Счастья.

И все наперебой стали говорить. Один хотел бы получить у Счастья двух быков, другой коня, третий оружие. Те хотят побольше ячменя или пшеницы, новых чувяков или одежды, меч или лук со стрелами.

Так все сказали старому деду, кто чего хочет. Только одна молодая невестка ни слова не промолвила. Тогда обычай был такой: при старших невесткам нельзя было разговаривать. Вот она и стояла молча. Ее тоже спросили, чего она хочет. Свою просьбу она прошептала мальчику, а мальчик сказал громко: "Пусть Счастье даст нам общую жизнь, общую работу и любовь друг к другу".

И все улеглись спать.

На рассвете, когда петухам петь, встал старик с постели, закутался в шубу, папаху надвинул на глаза, взял топор и отправился в дремучий лес. Долго шел старик – целый день. И к вечеру дошел до большого дерева.

Хоть под большим деревом и тепло было, все же он поплотней закутался в шубу и лег спать.

На другой день рано утром старик снял шубу и опять принялся подрубать то дерево.

– Что тебе нужно от меня? – опять спросил кто-то с дерева.

Это Счастье говорило.

Старик передал ему слово в слово просьбу каждого, а под конец слова молодой невестки.

Голос с дерева так отвечает старику:

– Все я исполню. Одно только не могу исполнить: просьбу твоей молодой невестки. Она просит общую жизнь, общую работу и любовь друг к другу. А это всё вместе – я само.

Сколько ни упрашивал старик, Счастье все одно и то же: "Не могу исполнить просьбу твоей молодой невестки".

– Ты же мне поклялось небом и землею, что исполнишь все, о чем попросят мои домочадцы. Тогда почему ты не исполняешь просьбу молодой невестки? Клятву нарушаешь? А может, ты нарочно рассорил мою семью?

– Что с тобой поделаешь! – отвечает голос с дерева. – Я дало клятву и не в силах ее нарушить. Ступай себе домой, а там видно будет.

– Будь здорово, – сказал старик, надел шубу, взял топор и отправился обратно.

Когда старик пришел домой, усталый, сел он в свое резное кресло. Вся семья прибежала к нему: и старые и малые, и мужчины и женщины. Одни теплыми руками согревают ему лицо, другой теплой водой моет его ноги, третий приносит есть и пить. Юноши запели песни, чтобы усладить слух старика, девушки пляски затеяли.

На другой день все до одного приступили к работам с самого рассвета. Кто рубит лес, кто возит бревна для нового дома. Кто корм задает овцам, быкам и коровам, буйволам, вер-

блюдам и коням. Кто чистит хлев, кто двор. Кто печет пироги, кто шьет, кто песни поет, кто на фандыре играет, кто детям сказки рассказывает, а кто кормит маленьких.

Каждый старается сделать свою работу лучше и быстрее, чем другие.

Все стали говорить: “наша работа”, “наше добро”, “наши дети”. А слово “мое” будто вовсе и не знали.

Радостью заблестели глаза всех, щеки порозовели – кровь с молоком. Дети толстенькие, чистенькие, веселенькие. Коня, овцы и козы, коровы и буйволы тучные и гладкие, шерсть лоснится на них, и ходят важно. Даже кошки и те стали ласковее.

Днем вся семья работает не устывая. А как вечер наступит, новый большой дом наполняется людьми, веселыми и добрыми.

Счастье навсегда поселилось в большой семье. И было то счастье для всех единым. Общим Счастьем было оно.

СЛОВАРЬ

Домочадцы	– люди, которые живут в чьей-нибудь семье на правах ее членов.
Хадзар	– дом.
Отара	– большое стадо овец.
Серна	– горная антилопа с загнутыми рогами.
Папаха	– высокая меховая шапка.
Фандыр	– музыкальный инструмент.
Невестка	– жена брата или жена сына, а также замужняя женщина по отношению к родным мужа.

ЗАДАНИЯ

1. Почему Общее Счастье покинуло семью старика?

Представь себе, что ты услышал(а) такие ответы на этот вопрос:

- Мне кажется, что Общее Счастье ушло из дома старика потому, что в начале сказки слишком часто повторяется число 13. Это число считается несчастливым.
- Нет, причина в другом. В доме старика было слишком много народа, вот они и мешали друг другу.

Правильно ли ребята объясняют причину ухода Общего Счастья? Если у тебя возникло иное мнение, выскажи и обсуди его в классе.

2. Прочитай афоризмы. Согласен(на) ли ты с выраженными в них мыслями? Совпадают ли они с теми выводами, которые мы сделали по сказке "Общее Счастье"? О чем это свидетельствует?

Самый счастливый человек тот, кто дарит счастье наибольшему числу людей.

Д. Дидро

Стараясь о счастье других, мы находим свое собственное.

Платон

При соединении и малое растет, при раздоре и величайшее распадается.

Саллюстий

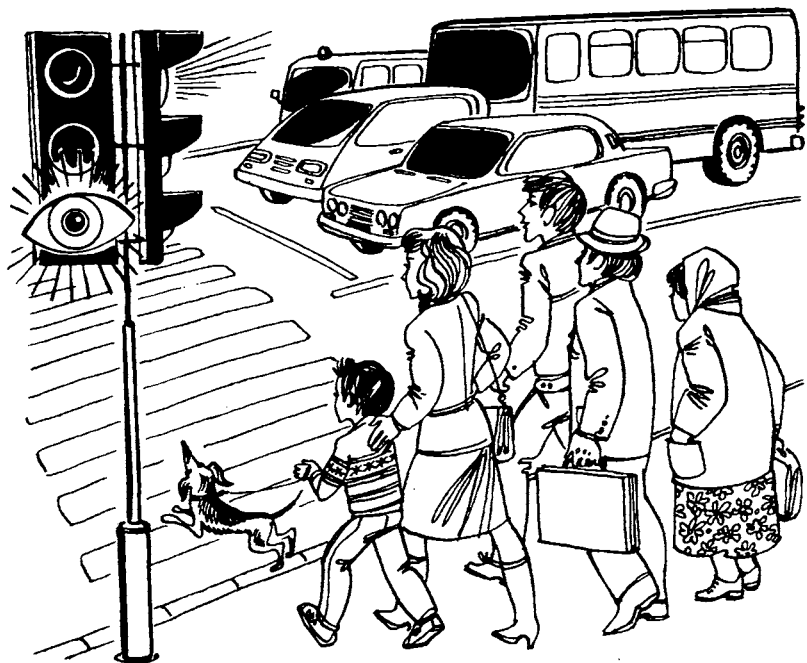
3. Напиши развернутый ответ на один из вопросов:

- 1) Согласен(на) ли ты с тем, что счастье может быть только общим?
- 2) Что бы попросил(а) у Общего Счастья ты?
- 3) Что ты делаешь для того, чтобы из вашей семьи не уходило счастье?
- 4) Представь себе, что не было бы этого мудрого старика-отца или он не смог бы вернуть Общее Счастье. Что бы тогда произошло?

4. Дома.

- 1) Расскажи эту сказку дома членам твоей семьи и спроси, согласны ли твои домашние с выводами, сделанными на уроке.
- 2) Известны ли тебе сказки других народов мира, в которых говорится о силе единства людей?
- 3) Приведи примеры пословиц и поговорок о счастье.

Татьяна Александрова

СВЕТОФОРЧИК

Жил-был маленький светофор. Звали его Светик. Он стоял на перекрестке двух больших улиц и смотрел сначала в одну сторону зеленым глазом, в другую – красным, потом желтыми глазами в обе стороны сразу.

Стоит и смотрит день и ночь. А мимо идут машины большие, средние, маленькие; идут или бегут люди большие, средние и маленькие.

“Вот у меня глаза светятся днем и ночью, – думал Светик, – а у машин только ночью – желтые спереди, красные сзади. А зеленых огней у них, у бедняшек, совсем нет! А у людей глаза ни красными огнями не светятся, ни желтыми, ни зелеными! Бедняжки!”

Светик давно это заметил и очень жалел людей. Ведь он был добрый-предобрый.

А еще он заметил, что и машины и люди больше всего рады зеленому свету. Посмотрит Светик зеленым глазом – вот уже машины или люди бодро и весело двигают колесами или ногами, у кого что есть.

Посмотрит красным – останавливаются в нетерпении, фыркают, ворчат, дают задний ход.

– Идите, бегите, мчитесь! – радостно сообщал Светик тем, кому светил зеленым глазом.

А тем, кто останавливался и ждал, он старался как можно красивее светить красным глазом:

– Подождите, потерпите, уступите! Через миг и вам зажгу зеленый свет.

И так день и ночь. И все время одним хорошо: они идут и едут, а другим плохо: они стоят и ждут. И это очень огорчало доброго Светика. Ведь так неприятно говорить кому-нибудь “нет!”. Особенно если он спешит.

И однажды Светик решил: пусть всем будет хорошо, буду смотреть сразу в обе стороны одними зелеными глазами! И сразу все затряслось, загудело, заскрежетало, завизжало. Сейчас машины налетят друг на друга, а люди попадут под машины!

Но, к счастью, этих ужасных бед не произошло. Потому что Светик мог смотреть сразу в обе стороны только желтыми глазами, зеленые и красные выключались. И вот одни машины остановились на желтый свет, другие приготовились мчаться, но никто не сдвинулся с места.

“Я хотел быть добрым сразу ко всем, – подумал Светик, – и чуть было не погубил всех!”

И опять вместо двух желтых глаз зеленый поглядел в одну сторону, красный – в другую. И все обрадовались. И те, кто помчался или пошел вперед. И те, кому пришлось ненадолго остановиться и подождать.

– Все-таки, наверное, лучше вовремя сказать “нет”, – объяснял Светик осенним листьям, которые кружились вокруг него на ветру.

– О, конечно, конечно! – шуршали в ответ листья, и ветер уносил их.

– Так приятно всегда говорить “да”, и все-таки иногда “нет” лучше, чем “да”, – рассказывал Светик снежинкам, которые так весело плясали вокруг него и становились то зелеными, то красными, то желтыми.

И снежинки тихо соглашались с ним.

А птицы внимательно слушали Светика и говорили:

– Да-да, конечно! Ты прав! Поэтому возле тебя так тепло и спокойно!

ЗАДАНИЯ

1. Дома. Представь, что к тебе обратились с просьбой создать комикс по этой сказке.
а) Чтобы выполнять эту просьбу хорошо, надо знать, что обозначает слово “комикс”.

Познакомься с разными точками зрения:

– Комикс? Я их очень люблю. Вот я вам сейчас расскажу один, очень смешной... Вы знаете, мне очень нравится рассказывать их вслух друзьям или знакомым...

– Комикс? Конечно, знаю! Комикс – это от слова “комедия” или “комический”, значит, очень смешной. А всегда смешные – клоуны, жонглеры. Вот и получается, что комикс – это картинки с изображением таких веселых людей.

Согласен(на) ли ты с ними? Познакомь нас с твоей точкой зрения.

б) Попробуй представить содержание сказки в виде комикса.

– Помни, что необходимо выбрать наиболее важные моменты этой сказочной истории. Для этого снова обратись к тексту сказки.

– Подготовься объяснить свой выбор.

– Не забудь, что картинки должны быть размещены в рамках.

– Подумай, какие слова Светика ты поместишь на картинках. Не забудь, что на них могут располагаться и слова автора.

2. Когда учеников одной из школ попросили ответить на вопрос: “О чем эта сказка?” – были высказаны разные точки зрения:

В – Это сказка о правилах дорожного движения, потому что здесь очень хорошо рас-
Ы сказывается о том, как надо вести себя на улице пешеходам и водителям.

Б – Это сказка о случае из жизни необычного сказочного героя – светофорчика Све-
И тика. Он очень любознательный, поэтому с ним происходят всякие приключения.

Разделяешь ли ты эти точки зрения? Почему? Может быть, ты думаешь по-другому? Убеди нас в правильности твоей позиции.

3. Познакомься с мыслями Илья Шевелева. Выбери ту (или те), которая (которые), по твоему мнению, наиболее точно выражает (выражают) основную мысль сказки.

В Каждый должен быть сам себе стрелочником, чтобы вовремя переключать направ-
Ы ление собственных мыслей. Иначе может случиться авария.

Б Хорошее, если оно не к месту, может быть хуже плохого.

Е Свобода – это не только отсутствие внешних ограничений, но и наличие ограниче-
Р ний внутренних.

4. Дома. 1) Напиши письмо Светику о том, чему научила тебя история, происшедшая с ним.

2) Как ты думаешь, эта сказка понравилась бы твоим родителям, близким, друзьям? Почему? Расскажи ее им. Понаблюдай за их реакцией. Поделись в классе своими впечатлениями.

Андрей Платонов

НЕИЗВЕСТНЫЙ ЦВЕТOK

СКАЗКА-БЫЛЬ

Жил на свете маленький цветок. Никто и не знал, что он есть на земле. Он рос один на пустыре; коровы и козы не ходили туда, и дети из пионерского лагеря там никогда не играли. На пустыре трава не росла, а лежали одни старые серые камни, и меж ними была сухая мертвая глина. Лишь один ветер гулял по пустырю; как дедушка-сеятель, ветер носил семена и сел их всюду — и в черную влажную землю, и на голый каменный пустырь. В черной доброй земле из семян рождались цветы и травы, а в камне и глине семена умирали.

А однажды упало из ветра одно семечко, и принутилось оно в ямке меж камнем и глиной. Долго томилось это семечко, а потом напиталось росой, распалось, выпустило из себя тонкие волоски корешка, впились ими в камень и в глину и стало расти.

Так начал жить на свете тот маленький цветок. Нечем было ему питаться в камне и в глине; капли дождя, упавшие с неба, сходили по верху земли и не проникали до его корня, а цветок все жил и жил и рос помаленьку выше. Он поднимал листья против ветра, и ветер утихал возле цветка; из ветра упали на глину пылинки, что принес ветер с черной тучной земли; и в тех пылинках находилась пища цветку, но пылинки были сухие. Чтобы смочить их, цветок всю ночь сторожил росу и собирал ее по каплям на свои листья. А когда листья тяжелели от росы, цветок опускал их, и роса падала вниз; она увлажняла черные земляные пылинки, что принес ветер, и разбедала мертвую глину.

Днем цветок сторожил ветер, а ночью росу. Он трудился день и ночь, чтобы жить и не умереть. Он вырастил свои листья большими, чтобы они могли останавливать ветер и собирать росу. Однако трудно было цветку питаться от одних пылинок, что выпали из ветра, и еще собирать для них росу. Но он нуждался в жизни и превозмогал терпением свою боль от голода и усталости. Лишь один раз в сутки цветок радовался: когда первый луч утреннего солнца касался его утомленных листьев.

Если же ветер подолгу не приходил на пустырь, плохо тогда становилось маленькому цветку, и уже не хватало у него сил жить и расти.

Цветок, однако, не хотел жить печально; поэтому, когда ему бывало совсем горестно, он дремал. Все же он постоянно старался расти, если даже корни его глодали голый камень и сухую глину. В такое время листья его не могли напиться полной силой и стать зелеными: одна жилка у них была синяя, другая красная, третья голубая или золотого цвета. Недоставало еды, и мученье его обозначалось в листьях разными цветами. Сам цветок, однако, этого не знал: он ведь был слепой и не видел себя, какой он есть.

В середине лета цветок распустил венчик вверх. До этого он был похож на травку, а теперь стал настоящим цветком. Венчик у него был составлен из лепестков простого светлого цвета, ясного и сильного, как у звезды. И, как звезда, он светился живым мерцающим огнем, и его видно было даже в темную ночь. А когда ветер приходил на пустырь, он всегда касался цветка и уносил его запах с собою.

И вот шла однажды поутру девочка Даша мимо того пустыря. Она жила с подругами в пионерском лагере, а нынче утром проснулась и заскукала по матери. Она написала матери письмо и понесла письмо на станцию, чтобы оно скорее дошло. По дороге Даша целовала конверт с письмом и завидовала ему, что он увидит мать скорее, чем она.

На краю пустыря Даша почувствовала благоухание. Она поглядела вокруг. Вблизи никаких цветов не было, по тропинке росла одна маленькая травка, а пустырь был вовсе голый; но ветер шел с пустыря и приносил оттуда тихий запах, как зовущий голос маленькой неизвестной жизни. Даша вспомнила одну сказку, ее давно рассказывала ей мать. Мать говорила о цветке, который все грустил по своей матери-розе, но плакать он не мог, и только в благоухании проходила его грусть.

“Может, этот цветок скучает там по своей матери, как я?” – подумала Даша.

Она пошла в пустырь и увидела около камня тот маленький цветок. Даша никогда еще не видела такого цветка – ни в поле, ни в лесу, ни в книге на картинке, ни в ботаническом саду, нигде. Она села на землю возле цветка и спросила его:

– Отчего ты такой?

– Не знаю, – ответил цветок.

– А отчего ты на других непохожий?

Цветок опять не знал, что сказать. Но он впервые так близко слышал голос человека, впервые кто-то смотрел на него, и он не хотел обидеть Дашу молчанием.

– Оттого, что мне трудно, – ответил цветок.

– А как тебя зовут? – спросила Даша.

– Меня никто не зовет, – сказал маленький цветок, – я один живу.

Даша осмотрелась в пустыре.

– Тут камень, тут глина, – сказала она. – Как же ты один живешь, как же ты из глины вырос и не умер, маленький такой?

– Не знаю, – ответил цветок.

Даша склонилась к нему и поцеловала его в сияющую головку.

На другой день в гости к маленькому цветку пришли все пионеры. Даша привела их, но еще задолго, не доходя до пустыря, она велела всем вздохнуть и сказала:

– Слышите, как хорошо пахнет? Это он так дышит.

Пионеры долго стояли вокруг маленького цветка и любовались им, как героем. Потом они обошли весь пустырь, измерили его шагами и считали, сколько нужно привезти тачек с навозом и золою, чтобы удобрить мертвую глину.

Они хотели, чтобы и на пустыре земля стала доброй. Тогда и маленький цветок, неизвестный по имени, отдохнет, а из семян его вырастут и не погибнут прекрасные дети, самые лучшие, сияющие светом цветы, которых нету нигде.

Четыре дня работали пионеры, удобряя землю на пустыре. А после того они ходили путешествовать в другие поля и леса и больше на пустырь не приходили. Только Даша пришла однажды, чтобы проститься с маленьким цветком. Лето уже кончалось, пионерам нужно было уезжать домой, и они уехали.

А на другое лето Даша опять приехала в тот же пионерский лагерь. Всю долгую зиму она помнила о маленьком, неизвестном по имени цветке. И она тотчас пошла на пустырь, чтобы провести его.

Даша увидела, что пустырь теперь стал другой, он зарос теперь травами и цветами, и над ним летали птицы и бабочки, от цветов шло благоухание, такое же, как от того маленького цветка-труженика.

Однако прошлогоднего цветка, жившего меж камней и глины, уже не было. Должно быть, он умер в минувшую осень. [...] И Даше стало грустно, что нету прежнего цветка. Она пошла обратно и вдруг остановилась. Меж двумя тесными камнями вырос новый цветок – такой же точно, как тот старый цветок, только немного лучше его и еще прекраснее. Цве-

ток этот рос из середины стеснившихся камней; он был живой и терпеливый, как его отец, и еще сильнее отца, потому что он жил в камне.

Даше показалось, что цветок тянется к ней, что он зовет ее к себе безмолвным голо- сом своего благоухания.

СЛОВАРЬ

Томиться	– мучиться, испытывать тяжесть от чего-нибудь.
Тучная земля	– плодородная земля.
Превозмогать	– пересиливать, например боль.
Глодать	– грызть, тщательно объедать.
Мерцающий	– слабо светящийся колеблющимся светом.
Благоухание	– аромат, приятный запах.
Ботанический сад	– сад, в котором собраны коллекции живых растений, выращиваемых в открытом грунте и в оранжереях.
Мянувший	– прошедший.
Стеснившиеся	– располагающиеся тесно друг к другу.

ЗАДАНИЯ

 1. Запиши один из вариантов ответа, прочитанных учителем, в том случае, если считаешь его правильным. Если ты не согласен(на) ни с одним из предложенных вариантов, запиши свой ответ.

2. На вопрос “Какой была жизнь цветка на пустыре?” ответить можно по-разному:

- Он скучал, – скажет один.
- Ему было трудно, – возразит второй.
- Он страдал, – уточнит третий.

А как ты ответишь на этот вопрос? Постарайся, чтобы твой ответ был максимально точным.

3. Была ли у цветка самая главная цель в жизни? Познакомься с некоторыми мнениями:

– Цветку было очень важно во что бы то ни стало спрятаться от ветра, ведь у него был такой слабый стебелек.

– Ему были просто необходимы положительные эмоции, поэтому он стремился хотя бы один раз в день радоваться лучам восходящего солнца.

С каким из этих мнений ты согласишься, а с каким нет? Почему?

4. А как ты относишься к незнакомому цветку, жизнь которого стала нам теперь знакомой? Поделись своим отношением с соседом (соседкой) по парте.

5. Дома. Напиши о каком-нибудь маленьком, но очень важном для тебя открытии, которое ты совершил сам в своей жизни.

Что Ты открыл(а) для себя? (Книгу, что-то в природе, в окружающих тебя людях, в своих ощущениях и т.п.) Как это произошло? Как “выглядело” твое открытие? Какие ощущения оно вызвало у тебя? Поделился(ась) ли ты своим открытием с кем-нибудь еще? Какой была реакция этих людей?

6. Почему Даша шагнула на пустырь и заговорила с цветком? Прочитай, как ответили на этот вопрос ребята. Согласен(на) ты с ними или нет? Почему?

– Даше было очень грустно, потому что она была далеко от мамы. Чтобы отвлечься от грустных мыслей, она решила заглянуть на пустырь.

– Даша была любознательной, ей хотелось понять, кто издает такой необычный аромат.

7. Дома. 1) Перечитай дома вторую часть текста. Представь себе встречу неизвестного цветка и Даши. Сделай иллюстрацию(ии) к этому эпизоду и подбери к нему фрагмент(ы) текста в качестве подписи.

2) Напиши те слова, с которыми, как тебе кажется, Даша могла обратиться к своим друзьям и с помощью которых она сумела “достучаться до их сердец”.

8. Познакомься с афоризмами. Какой из них ты мог бы использовать в качестве вывода по уроку? Объясни свою позицию.

Жить – значит действовать.

А. Франс

Кто не отзываяется на зов, отказывается от того, за чем его зовут.

суахили¹

Жизнь ничего не дарует без тяжких трудов и волнений.

Горащий

Смотри на каждую утреннюю зарю, как на начало твоей жизни, и на каждый закат солнца, как на конец ее. Пусть каждая из этих кратких жизней будет отмечена каким-нибудь добрым поступком, какой-нибудь победой над собой или приобретенным знанием.

Д. Рескин

¹ Суахили – народ, живущий в Африке.

Какие из афоризмов, услышанных на уроках по сказке Платонова, ты хотел(а) бы запомнить, записать?

9. Дома.

1) Напиши развернутый ответ на один из вопросов:

а) Что может сделать каждый из нас, чтобы вокруг стало меньше “неоткрытых” зовущих голосов?

б) Какое открытие в самом себе помог совершить тебе А. Платонов?

2) Расспроси своих родных, были ли в их жизни маленькие, но очень важные для них открытия. Если взрослые не возражают, расскажи об этих открытиях в классе.

3) Есть ли такое место на Земле, которое связано для тебя с понятиями “корни рода”, “история семьи”? Подготовься рассказать о нем классу. Нарисуй его.

Оскар Уайльд

МАЛЬЧИК-ЗВЕЗДА

Как-то раз двое бедных Лесорубов возвращались домой, пробираясь через густой сосновый бор. Была зимняя ночь, стоял лютый мороз. И на земле и на деревьях лежал толстый снежный покров, и когда Лесорубы пробирались сквозь чащу, маленькие обледеневшие веточки обламывались от их движений, а когда они приблизились к Горному Водопаду, то увидели, что он неподвижно застыл в воздухе, потому что его поцеловала Королева Льда.

Мороз был так лют, что даже звери и птицы совсем растерялись от неожиданности.

– Уф! – проворчал Волк и запрыгал между кустами, поджав хвост. – Какая чудовищная погода! Не понимаю, куда смотрит правительство.

– Фью! Фью! Фью! – просвирители зеленые Коноплянки. – Старушка Земля умерла, и ее одели в белый саван.

– Земля готовится к свадьбе, а это ее подвенечный наряд, – прошептали друг другу Горлянки. Их маленькие розовые ножки совершенно ооченели от холода, но они считали своим долгом придерживаться романтического взгляда на мир.

– Вздор! – проворчал Волк. – Говорю вам, что во всем виновато правительство, а если вы мне не верите, я вас съем. – Волк обладал очень трезвым умом и в споре никогда не лез за словом в карман.

– Ну, что касается меня, – сказал Дятел, который был прирожденным философом, – я не нуждаюсь в физических законах для объяснения явлений. Если вещь такова сама по себе, то она сама по себе такова, а сейчас адски холодно.

Холод в самом деле был адский. Маленькие Белочки, жившие в дупле высокой ели, все время терли друг другу носы, чтобы хоть немного согреться, а Кролики съежились в комочек в своих норках и не смели выглянуть наружу. И только большие рогатые Совы – одни среди всех живых существ – были, по-видимому, довольны. Их перья так обледенели, что стали совсем твердыми, но это их нисколько не смущало, они тарасили свои огромные желтые глаза и перекликались друг с другом через весь лес:

– У-уу! У-уу! У-уу! У-уу! Какая нынче восхитительная погода!

А двое Лесорубов все шли и шли через бор, ожесточенно дую на замерзшие пальцы и топя по обледенелому снегу тяжелыми, подбитыми железом сапогами. Один раз они провалились в глубокий, занесенный снегом овраг и вылезли оттуда белые, как мукомолы, когда те стоят у крутящихся жерновов; а в другой раз они поскользнулись на твердом гладком льду замерзшего болота, вязанки хвороста у них рассыпались, и пришлось им собирать их и заново увязывать; а еще как-то им почудилось, что они заблудились, и на них напал великий страх, ибо им было известно, что Снежная Дева беспощадна к тем, кто засыпает в ее объятиях. Но они возложили свои надежды на заступничество Святого Мартина, который благоприятствует всем путешественникам, и вернулись немного обратно по своим следам, а дальше шли с большей осмотрительностью и в конце концов вышли на опушку и увидели далеко внизу в долине огни своего селения.

Они очень обрадовались, что выбрались наконец из леса, и громко рассмеялись, а долина показалась им серебряным цветком и Луна над ней – цветком золотым.

Но, посмеявшись, они снова стали печальны, потому что вспомнили про свою бедность, и один из них сказал другому:

– С чего это мы так развеселились? Ведь жизнь хороша только для богатых, а не для таких, как мы с тобой. Лучше бы нам замерзнуть в бору или стать добычей диких зверей.

– Ты прав, – отвечал его товарищ. – Одним дано очень много, а другим – совсем мало. В мире царит несправедливость, и благами она одаряет лишь немногих, а вот горе отмеряет щедрой рукой.

Но пока они сетовали так на свою горькую долю, произошло нечто удивительное и странное. Прекрасная, необычайно яркая звезда упала с неба. Она покатиалась по небосводу меж других звезд, и когда измученные Лесорубы проводили ее взглядом, им показалось,

что она упала за старыми ветлами возле небольшой овчарни, неподалеку от того места, где они стояли.

– Слушай! Да ведь это же кусок золота, надо его разыскать! – разом закричали оба и тут же приступились бежать – такая жажда золота их обуяла.

Но один из них бежал быстрее другого, перегнал своего товарища, пробрался между ветлами... И что же он увидел? На белом снегу и вправду лежало что-то, сверкающее, как золото. Лесоруб подбежал, наклонился, поднял этот предмет с земли и увидел, что он держит в руках плащ из золотой ткани, причудливо расшитый звездами и ниспадающий пышными складками. И он крикнул своему товарищу, что нашел сокровище, упавшее с неба, и тот поспешил к нему, и они опустились на снег и расправили складки плаща, чтобы достать оттуда золото и разделить его между собой. Но увы! В складках плаща они не обнаружили ни золота, ни серебра, ни других сокровищ, а увидели только спящее дитя. И один Лесоруб сказал другому:

– Все наши надежды пошли прахом, нет нам с тобой удачи! Ну какая польза человеку от ребенка? Давай оставим его здесь и пойдем своим путем, ведь мы люди бедные, у нас и своих детей хватает, и мы не можем отнимать у них хлеб, чтобы отдавать его другим.

Но второй Лесоруб отвечал так:

– Нет, нельзя совершить такое злое дело – оставить это дитя замерзать тут на снегу, и хоть я не богаче тебя и у меня еще больше ртов просят хлеба, а в горшках тоже не густо, все равно я отнесу этого ребенка к себе домой, и моя жена позаботится о нем.

И он осторожно поднял ребенка, завернул его в плащ, чтобы защитить от жгучего мороза, и зашагал вниз с холма к своему селению, а его товарищ очень подивился про себя такой его глупости и мягкосердечию.

А когда они пришли в свое селение, его товарищ сказал ему:

– Ты взял себе ребенка, так отдай мне плащ, ты же должен поделиться со мной находкой.

Но тот отвечал ему:

– Нет, не отдам, потому что этот плащ не твой и не мой, а принадлежит только ребенку, – и, пожелав ему доброго здоровья, подошел к своему дому и постучал в дверь.

Когда жена отворила дверь и увидела, что это ее муженек возвратился домой целый и невредимый, она обвила руками его шею, и поцеловала его, и сняла с его спины вязанку хвороста, и отряхнула снег с его сапог, и пригласила его войти в дом.

Но Лесоруб сказал жене:

– Я нашел кое-что в лесу и принес тебе, чтобы ты позаботилась о нем. – И он не переступил порога.

– Что же это такое? – воскликнула жена. – Покажи скорее, ведь у нас в доме пусто, и мы очень во многом нуждаемся.

И тогда он распахнул плащ и показал ей спящее дитя.

– Увы мне! – горестно прошептала жена. – Разве у нас нет собственных детей, что тебе, хозяин, понадобилось сажать к нашему очагу подкидыша? А может, он принесет нам несчастье? И кто его знает, как надо за ним ухаживать? – И она очень рассердилась на мужа.

– Да ты послушай, ведь это Дитя-звезда, – отвечал муж и рассказал жене удивительную историю о том, как он нашел этого ребенка.

Но это ее не успокоило, и она начала насмехаться над ним, и бранить его, и закричала:

– Наши дети сидят без хлеба, а мы будем кормить чужого ребенка? А о нас кто позаботится? Нам кто даст поесть?

– Но ведь Господь заботится даже о воробьях и дает им пропитание, – отвечал муж.

– А мало воробьев погибает от голода зимой? – спросила жена. – И разве сейчас не зима?

На это муж ничего не ответил ей, но и не переступил порога.

И тут злой ветер, прилетев из леса, ворвался в распахнутую дверь, и жена вздрогнула, поежилась и сказала мужу:

– Почему ты не затворишь дверь? Смотри, какой студеный ветер, я совсем замерзла.

– В доме, где живут люди с каменными сердцами, всегда будет стужа, – сказал муж.

И жена не ответила ему ничего, только ближе пододвинулась к огню.

Но прошло еще немного времени, и она обернулась к мужу и поглядела на него, и ее глаза были полны слез. И тогда он быстро вошел в дом и положил ребенка ей на колени. А она, поцеловав ребенка, опустила его в колыбельку рядом с младшим из своих детей. А на другое утро Лесоруб взял необыкновенный плащ из золота и спрятал его в большой сундук, а его жена сняла с шеи ребенка янтарное ожерелье и тоже спрятала его в сундук.

Итак, Дитя-звезда стал расти вместе с детьми Лесоруба, и ел за одним с ними столом, и играл с ними. И с каждым годом он становился все красивее и красивее, и жители селения дивились его красоте, ибо все они были смуглые и черноволосые, а у него лицо было белое и нежное, словно выточенное из слоновой кости, и золотые кудри его были как лепестки нарцисса, а губы – как лепестки алой розы, и глаза – как фиалки, отраженные в прозрачной воде ручья. И он был строен, как цветок, выросший в густой траве, где не ступала нога косца.

Но красота его принесла ему только зло, ибо он вырос себялюбивым, гордым и жестоким. На детей Лесоруба, да и на всех прочих детей в селении он смотрел сверху вниз, потому что, говорил он, все они низкого происхождения, в то время как он – знатного рода, ибо происходит от Звезды. И он помыкал детьми и называл их своими слугами. Он не испытывал сострадания к беднякам или к слепым, недужным и увечным, но швырял в них камнями и прогонял их из селения на проезжую дорогу и кричал им, чтобы они шли побираться в другое место, после чего ни один из нищих, кроме каких-нибудь самых отчаявшихся, не осмеливался вторично прийти в это селение за милостыней. И он был точно околдован своей красотой и издевался над всеми, кто был жалок и безобразен, и выставял их на посмешище. Себя же он очень любил и летом в безветренную погоду часто лежал у водоема в фруктовом саду священника, и глядел на свое дивное отражение, и смеялся от радости, любуясь своей красотой.

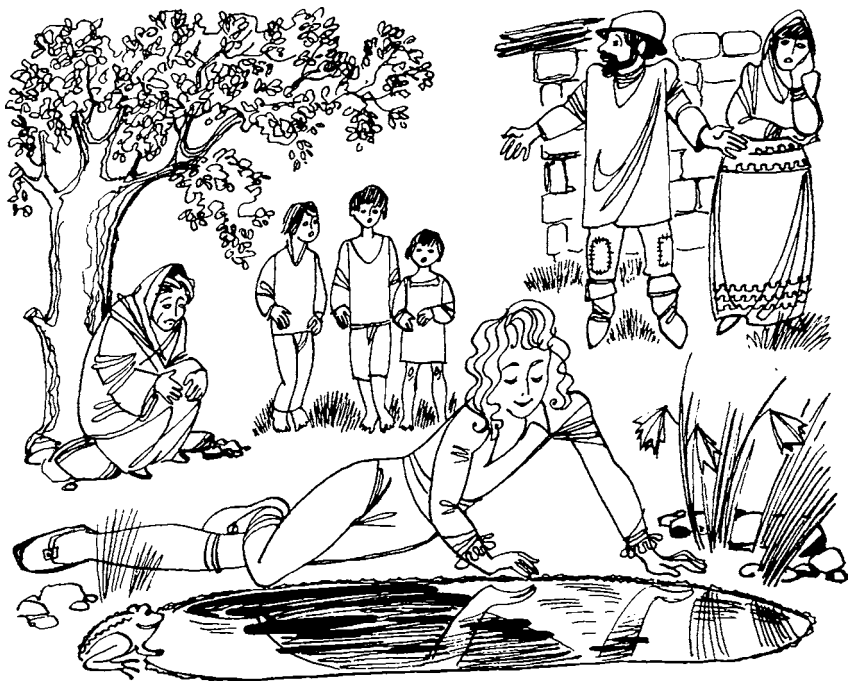
Лесоруб и его жена не раз бранили его, говоря:

– Мы-то ведь не так поступили с тобой, как поступаешь ты с этими несчастными, обездоленными судьбой, у которых нет ни одной близкой души на свете. Почему ты так жесток к тем, кто нуждается в участии?

Но Мальчик-звезда не внимал их словам, только хмурился и усмехался презрительно, а потом бежал к своим сверстникам и помыкал ими как хотел. И его сверстники слушались

его, потому что он был красив, быстроног и умел плясать, и петь, и наигрывать на свирели. И куда бы Мальчик-звезда ни повел их, они следовали за ним, и что бы он ни приказал им сделать, они ему повиновались. И когда он проткнул острой тростинкой подслеповатые глаза крота, они смеялись, и когда он швырял камнями в прокаженного, они смеялись тоже. Всегда и во всем Мальчик-звезда был их вожаком, и они стали столь же жестокосердны, как и он.

И вот как-то раз через селение проходила одна несчастная нищенка. Одежда ее была в лохмотьях, босые ноги, израненные об острые камни дороги, все в крови – словом, была она в самом бедственном состоянии. Изнемогая от усталости, она присела отдохнуть под каштаном.

Но тут увидел ее Мальчик-звезда и сказал своим товарищам:

– Гляньте! Под прекрасным зеленолистым деревом сидит отвратительная грязная нищенка. Пойдем прогоним ее, потому что она противна и безобразна.

И с этими словами он подошел к ней поближе и начал швырять в нее камнями и насмехаться над ней, а она поглядела на него, и в глазах ее отразился ужас, и она не могла отвести от него взгляда. Но тут Лесоруб, который стругал жерди под навесом, увидел, что делает Мальчик-звезда, подбежал к нему и стал его корить, говоря:

– Воистину у тебя каменное сердце, и жалость тебе неведома. Что сделала тебе эта бедная женщина, почему ты гонишь ее отсюда?

Тогда Мальчик-звезда покраснел от злости, топнул ногой и сказал:

– А кто ты такой, чтобы спрашивать меня, почему я так поступаю? Я тебе не сын и не обязан тебя слушаться.

– Это верно, – отвечал Лесоруб, – однако я пожалел тебя, когда нашел в лесу.

И тут нищая, услышав эти слова, громко вскрикнула и упала без чувств. Тогда Лесоруб поднял ее и отнес к себе в дом, а его жена принялась ухаживать за ней. И когда женщина очнулась, Лесоруб и его жена поставили перед ней еду и питье и сказали, что они рады предоставить ей кров.

Но женщина не хотела ни есть, ни пить и спросила Лесоруба:

– Правду ли ты сказал, что нашел этого мальчика в лесу? И с того дня минуло десять лет, не так ли?

И Лесоруб ответил:

– Да, так оно и было, я нашел его в лесу, и с того дня минуло уже десять лет.

– А не нашел ли ты вместе с ним еще чего-нибудь? – воскликнула женщина. – Не было ли у него на шее янтарного ожерелья? И не был ли он закутан в золотой плащ, расшитый звездами?

– Все верно, – отвечал Лесоруб. И он вынул плащ и янтарное ожерелье из сундука, в котором они хранились, и показал их женщине.

И когда женщина увидела эти вещи, она расплакалась от радости и сказала:

– Этот ребенок – мой маленький сын, которого я потеряла в лесу. Прошу тебя, пошли за ним скорее, ведь в поисках его я обошла всю землю.

И Лесоруб с женой вышли из дома и стали звать Мальчика-звезду и сказали ему:

– Войди в дом, там ты найдешь свою мать, которая ждет тебя.

И Мальчик-звезда, исполненный радости и изумления, вбежал в дом. Но когда он увидел ту, что ждала его там, он презрительно рассмеялся и сказал:

– Ну, а где же моя мать? Я не вижу здесь никого, кроме этой противной нищенки.

И женщина ответила ему:

– Я – твоя мать.

– Ты, должно быть, лишилась рассудка! – гневно вскричал Мальчик-звезда. – Я не твой сын, ведь ты же нищенка, ты уродлива и одета в лохмотья. Ну-ка убирайся отсюда, чтоб я не видел больше твоего мерзкого лица!

– Но ведь ты же в самом деле мой маленький сынок, которого я родила в лесу! – вскричала женщина и, упав перед ним на колени, простерла к нему руки. – Разбойники укрывали тебя и оставили погибать в лесу... – плача, проговорила она. – Но я сразу узнала тебя, как только увидела, и узнала вещи, по которым тебя можно опознать, – золотой плащ и янтарное ожерелье. И я молю тебя: пойдем со мной, ведь, разыскивая тебя, я обошла весь свет. Пойдем со мной, мой сын, потому что я нуждаюсь в твоей любви.

Но Мальчик-звезда не шевельнулся; он наглухо затворил свое сердце, чтобы ее жалобы не могли туда проникнуть, и в наступившей тишине слышны были только горестные стечения женщины.

Наконец Мальчик-звезда заговорил, и его голос звучал холодно и презрительно.

– Если это правда, что ты моя мать, – сказал он, – лучше бы тебе не приходить сюда и не позорить меня, ведь я думал, что моей матерью была Звезда, а не какая-то нищенка, как ты говоришь мне. Поэтому убирайся отсюда, чтобы я никогда тебя больше не видел.

– Увы, сын мой! – вскричала женщина. – Неужели ты не поцелуешь меня на прощанье? Ведь я столько претерпела мук, чтобы найти тебя!

– Нет, – сказал Мальчик-звезда, – ты слишком омерзительна, и мне легче поцеловать гадюку или жабу, чем тебя.

Тогда женщина встала и, горько рыдая, скрылась в лесу, а Мальчик-звезда, увидав, что она ушла, очень обрадовался и побежал играть со своими товарищами.

Но те, поглядывая на него, начали смеяться над ним и сказали:

– Да ведь ты мерзок, как жаба, и отвратителен, как гадюка. Убирайся отсюда, мы не хотим, чтобы ты играл с нами! – И они выгнали его из сада.

Тогда Мальчик-звезда задумался и сказал себе:

– Что такое они говорят? Я пойду к водоему и погляжусь в него, и он скажет мне, что я красив.

И он пошел к водоему и поглядел в него, но что же он увидел! Лицом он стал похож на жабу, а тело его покрылось чешуей, как у гадюки. И он бросился ничком на траву, и заплакал, и сказал:

– Не иначе как это мне наказание за мой грех. Ведь я отрекся от моей матери и прогнал ее, я возгордился перед ней и был с ней жесток. Теперь я должен отправиться на поиски и обойти весь свет, пока не найду ее. А до тех пор не будет мне ни отдыха, ни покоя.

Тут подошла к нему маленькая дочка Лесоруба, и положила ему руку на плечо, и сказала:

– Это еще не беда, что ты утратил свою красоту. Оставайся с нами, и я никогда не буду дразнить тебя.

Но он сказал ей:

– Нет, я был жесток к моей матери, и в наказание мне и случилось это несчастье. Поэтому я должен уйти отсюда и бродить по свету, пока не найду своей матери и не вымолю у нее прощенья.

И он побежал в лес и начал громко призывать свою мать, прося ее вернуться к нему, но не услышал ответа. Весь день он звал ее, а когда солнце закатилось, прилег на грудь ли-

стве и уснул, и все птицы и звери оставили его, потому что знали, как жестоко он поступил, и только жаба разделяла его одиночество и охраняла его сон, да гадюка медленно проползла мимо.

А наутро он встал, сорвал несколько кислых ягод с дерева, съел их и побрел через дремучий лес, горько плача. И всех, кто бы ни повстречался ему на пути, он спрашивал, не видели ли они его матери.

Он спросил Крота:

– Ты роешь свои ходы под землей. Скажи, не видал ли ты моей матери?

Но Крот отвечал:

– Ты выколот мне глаза, как же я мог ее увидеть?

Тогда он спросил у Коноплянки:

– Ты взлетаешь выше самых высоких деревьев и можешь видеть оттуда весь мир. Скажи, не видала ли ты моей матери?

Но Коноплянка отвечала:

– Ты подрезал мне крылья ради забавы. Как же могу я теперь летать?

И маленькую Белочку, которая жила в дупле ели одна-одинешенька, он спросил:

– Где моя мать?

И Белочка отвечала:

– Ты убил мою мать; может быть, ты разыскиваешь свою, чтобы убить ее тоже?

И Мальчик-звезда опустил голову, и заплакал, и стал просить прощенья у всех божьих тварей, и углубился дальше в лес, продолжая свои поиски. А на третий день, пройдя через весь лес, он вышел на опушку и спустился в долину.

И когда он проходил через селение, дети дразнили его и бросали в него камнями, и крестьяне не позволяли ему даже соснуть в амбаре, боясь, что от него может сесть плесень на зерно, ибо он был очень гадок с виду, и приказывали работникам прогнать его прочь, и ни одна душа не жалилась над ним. И нигде не мог он ничего узнать о нищенке, которая была его матерью, хотя вот уже три года бродил он по свету, и не раз казалось ему, что он видит ее впереди на дороге, и тогда он принимался звать ее и бежал за ней, хотя острый щербень ранил его ступни и из них сочилась кровь. Но он не мог ее догнать, а те, кто жил по близости, утверждали, что они не видели ни ее, ни кого-нибудь похожего с виду, и потешались над его горем.

Три полных года бродил он по свету и нигде никогда не встречал ни любви, ни сострадания, ни милосердия; весь мир обошелся с ним так же, как поступал он сам в дни своей гордыни.

И вот однажды вечером он подошел к городу, расположенному на берегу реки и обнесенному высокой крепостной стеной, и приблизился к воротам, и хотя он очень устал и натрудил ноги, все же он хотел войти в город. Но воины, стоявшие у ворот на страже, скрестили свои алебарды и грубо крикнули ему:

– Что нужно тебе в нашем городе?

– Я разыскиваю мою мать, – отвечал он, – и молю вас, разрешьте мне войти в город, ведь может случиться, что она там.

Но они стали насмехаться над ним, и один из них, тряся черной бородой, поставил перед ним свой щит и закричал:

– Воистину твоя мать возрадуется, увидав тебя, ведь ты безобразней, чем жаба в болоте или гадюка, выползшая из топи! Убирайся отсюда! Убирайся! Твоей матери нет в нашем городе.

А другой, тот, что держал в руке желтый стяг на древке, сказал ему:

– Кто твоя мать и почему ты разыскиваешь ее?

И он отвечал:

– Моя мать живет подаванием, так же как и я, и я обошелся с ней очень дурно и молю тебя: дай мне пройти, чтобы я мог испросить у нее прощения, если она живет в этом городе.

Но они не захотели его пропустить и стали колоть своими пиками.

А когда он с плачем повернул обратно, некто в кольчуге, разукрашенной золотыми цветами, и в шлеме с гребнем в виде крылатого льва приблизился к воротам и спросил воинов, кто тут просил дозволения войти в город. И воины отвечали ему:

– Это нищий и сын нищенки, и мы прогнали его прочь.

– Ну и зря, – рассмеявшись, сказал тот, – мы продадим это мерзкое создание в рабство, и цена его будет равна цене чаши сладкого вина.

А в это время мимо проходил какой-то страшный и злой с виду старик и, услышав эти слова, сказал:

– Я заплачу за него эту цену. – И, заплатив ее, взял Мальчика-звезду за руку и повел в город.

Они прошли много улиц и подошли наконец к маленькой калитке в стене, затененной большим гранатовым деревом. И старик коснулся калитки яшмовым перстнем, и она открылась, и они спустились по пяти бронзовым ступеням в сад, где цвели черные маки и стояли зеленые глиняные кувшины. И тогда старик вынул из своего тюрбана узорчатый шелковый шарф, и завязал им глаза Мальчику-звезде, и повел его куда-то, толкая перед собой. А когда он снял повязку с его глаз, Мальчик-звезда увидел, что он находится в темнице, которая освещалась фонарем, повешенным на крюк.

И старик положил перед ним на деревянный лоток ломоть заплесневелого хлеба и сказал:

– Ешь.

И поставил перед ним чашу с солоноватой водой и сказал:

– Пей.

И когда Мальчик-звезда поел и попил, старик ушел и запер дверь темницы на ключ и закрепил железной цепью.

* * *

На следующее утро старик, который на самом деле был одним из самых искусных и коварных волшебников Ливии и научился своему искусству у другого волшебника, обитавшего на берегу Нила, вошел в темницу, хмуро поглядел на Мальчика-звезду и сказал:

– В том лесу, что неподалеку от ворот этого города гяуров, скрыты три золотые монеты – из белого золота, из желтого золота и из красного золота. Сегодня ты должен принести мне монету из белого золота, а если не принесешь, получишь сто плетей. Поспеши, на закате солнца я буду ждать тебя у калитки моего сада. Смотри принеси мне монету из белого золота, или тебе будет плохо, потому что ты мой раб и я уплатил за тебя цену целой чаши сладкого вина. – И он завязал глаза Мальчику-звезде шарфом узорчатого шелка, и вывел его из дома в сад, где росли черные маки, и, заставив подняться на пять бронзовых ступенек, отворил с помощью своего перстня калитку.

И Мальчик-звезда вышел из калитки, прошел через город и вступил в лес, о котором говорил ему Волшебник.

А лес этот издали казался очень красивым, и мнилось, что он полон певчих птиц и ароматных цветов, и Мальчик-звезда радостно углубился в него. Но ему не довелось наслаждаться красотой леса, ибо, куда бы он ни ступил, повсюду перед ним поднимался из земли колючий кустарник, полный острых шипов, и ноги его обжигала злая крапива, и чертополох колот его своими острыми, как кинжал, колочками, и Мальчику-звезде приходилось очень плохо. А главное, он нигде не мог найти монету из белого золота, о которой говорил ему Волшебник, хотя и разыскивал ее с самого утра до полудня и от полудня до захода солнца. Но вот солнце село, и он побрел домой, горько плача, ибо знал, какая участь его ожидает.

Но когда он подходил к опушке леса, из чащи до него долетел крик – казалось, кто-то вызывает о помощи. И, забыв про свою беду, он побегал на этот крик и увидел маленького Зайчонка, попавшего в силки, расставленный каким-то охотником.

И Мальчик-звезда сжалился над Зайчонком, и освободил его из силка, и сказал ему:

– Сам я всего лишь раб, но тебе я могу даровать свободу.

А Зайчонок ответил ему так:

– Да, ты даровал мне свободу; скажи, чем могу я отблагодарить тебя!

И Мальчик-звезда сказал ему:

– Я ищу монету из белого золота, но нигде не могу найти ее, а если я не принесу ее своему хозяину, он приберет меня.

– Ступай за мной, – сказал Зайчонок, – и я отведу тебя туда, куда тебе нужно, потому что я знаю, где спрятана эта монета и зачем.

Тогда Мальчик-звезда последовал за маленьким Зайчонком. И что же он увидел? В дупле большого дуба лежала монета из белого золота, которую он искал. И Мальчик-звезда безмерно обрадовался, схватил ее и сказал Зайчонку:

– За услугу, которую я оказал тебе, ты отблагодарил меня сторицей, и за добро, что я для тебя сделал, ты воздал мне стократ.

– Нет, – отвечал Зайчонок, – как ты поступил со мной, так и я поступил с тобой. – И он поворотно поскакал прочь, а Мальчик-звезда направился в город.

Теперь следует сказать, что у городских ворот сидел прокаженный. Лицо его скрывал серый холщовый капюшон, и глаза его горели в прорезях словно угли, и когда он увидел приближавшегося к воротам Мальчика-звезду, он загремел своей деревянной миской, и зазвонил в свой колокольчик, и крикнул ему так:

– Подай мне милостыню, или я должен буду умереть с голоду, ибо они изгнали меня из города и нет никого, кто бы сжалился надо мной!

– Увы! – вскричал Мальчик-звезда. – У меня в кошельке есть только одна-единственная монета, и если я не отнесу ее моему хозяину, он прибьет меня, потому что я его раб.

Но прокаженный стал просить его и молить и делал это до тех пор, пока Мальчик-звезда не сжалился над ним и не отдал ему монету из белого золота.

Когда же он подошел к дому Волшебника, тот отворил калитку, и впустил его в сад, и спросил его:

– Ты принес монету из белого золота?

И Мальчик-звезда ответил:

– У меня ее нет.

И тогда Волшебник набросился на него, и стал его избивать, и поставил перед ним пустой деревянный лоток для хлеба, и сказал:

– Ешь.

И поставил перед ним пустую чашу и сказал:

– Пей.

И снова бросил его в темницу.

А наутро Волшебник пришел к нему и сказал:

– Если сегодня ты не принесешь мне монету из желтого золота, то навсегда останешься моим рабом и получишь от меня триста плетей.

Тогда Мальчик-звезда направился в лес и целый день искал там монету из желтого золота, но нигде не мог найти ее. А когда закатилось солнце, он опустился на землю и заплакал. И пока он сидел так, проливая слезы, к нему прибежал маленький Зайчонок, которого он освободил из силка.

И Зайчонок спросил его:

– Почему ты плачешь? И чего ты ищешь в лесу?

И Мальчик-звезда отвечал:

– Я ишу монету из желтого золота, которая здесь спрятана, и если я не найду ее, мой хозяин прибьет меня и навсегда оставит у себя в рабстве.

– Следуй за мной! – крикнул Зайчонок и поскакал через лес, пока не прискакал к небольшому озеру, а на дне озера лежала монета из желтого золота.

– Как мне благодарить тебя? – сказал Мальчик-звезда. – Ведь вот уж второй раз, как ты выручаешь меня.

– Ну и что ж, зато ты первый сжалился надо мной, – сказал Зайчонок и проворно поскакал прочь.

И Мальчик-звезда взял монету из желтого золота, положил ее в свой кошелек и поспешил в город. Но прокаженный увидел его на дороге, и побежал ему навстречу, и упал перед ним на колени, крича:

– Подай мне милостыню, или я умру с голоду!

Мальчик-звезда сказал ему:

– У меня в кошельке нет ничего, кроме монеты из желтого золота, но если я не принесу ее моему хозяину, он приберет меня и навеки оставит у себя в рабстве.

Но прокаженный молил его сжалиться над ним, и Мальчик-звезда пожалел его и отдал ему монету из желтого золота.

* * *

А когда он подошел к дому Волшебника, тот отворил калитку, и впустил его в сад, и спросил его:

– Ты принес монету из желтого золота?

И Мальчик-звезда ответил:

– У меня ее нет.

И Волшебник набросился на него, и стал его избивать, и заковал его в цепи, и снова вверг в темницу.

А наутро Волшебник пришел к нему и сказал:

– Если ты сегодня принесешь мне монету из красного золота, я отпущу тебя на свободу, а если не принесешь, я убью тебя.

И Мальчик-звезда отправился в лес и целый день разыскивал там монету из красного золота, но нигде не мог ее найти. Когда же стемнело, он сел и заплакал. И пока он сидел так, проливая слезы, к нему прибежал маленький Зайчонок.

И Зайчонок сказал ему:

– Монета из красного золота, которую ты ищешь, находится в пещере, что у тебя за спиной. Перестань же плакать и возрадуйся.

– Как могу я отблагодарить тебя! – воскликнул Мальчик-звезда. – Ведь уже третий раз ты выручаешь меня из беды.

– Но ты первый сжалился надо мной, – сказал Зайчонок и проворно ускакал прочь.

А Мальчик-звезда вошел в пещеру и в глубине ее увидел монету из красного золота. Он положил ее в свой кошелек и поспешил вернуться в город. Но когда прокаженный увидел его, он стал посреди дороги и громко закричал, взывая к нему:

– Отдай мне монету из красного золота, или я умру!

И Мальчик-звезда снова пожалел его и отдал ему монету из красного золота, сказав:

– Твоя нужда больше моей.

Однако сердце его сжалось от тоски, ибо он знал, какая страшная судьба его ожидает.

* * *

Но чудо! Когда проходил он городские ворота, воины низко склонились перед ним, отдавая ему почести и восклицая:

– Как прекрасен господин наш!

А толпа горожан следовала за ним, и все твердили:

– Воистину не найдется никого прекраснее во всем мире!

И Мальчик-звезда заплакал и сказал себе:

– Они смеются надо мной и потешаются над моей бедой.

Но так велико было стечение народа, что он сбился с дороги и пришел на большую площадь, где стоял королевский дворец.

И ворота дворца распахнулись, и навстречу Мальчику-звезде поспешили священнослужители и знатнейшие вельможи города и, смиренно поклонившись ему, сказали:

– Ты – наш господин, которого мы давно ожидаем, и сын нашего государя.

А Мальчик-звезда сказал им в ответ:

– Я не королевский сын, я сын бедной нищенки. И зачем говорите вы, что я прекрасен, когда я знаю, что вид мой мерзок?

И тогда тот, чья кольчуга была разукрашена золотыми цветами и на чьем шлеме грёбень был в виде крылатого льва, поднял свой щит и вскричал:

– Почему господин мой не верит, что он прекрасен?

И Мальчик-звезда посмотрел в щит. И что же он увидел? Его красота вернулась к нему, и лицо его стало таким же, каким было прежде, только в глазах своих он заметил что-то новое, чего раньше никогда в них не видел.

А священнослужители и вельможи преклонили перед ним колена и сказали:

– Было давнее пророчество, что в этот день придет к нам тот, кому суждено править нами. Так пусть же господин наш возьмет эту корону и этот скипетр и станет нашим королем, справедливым и милосердным.

Но Мальчик-звезда отвечал им:

– Я недостойн этого, ибо я отрекся от матери, которая носила меня под сердцем, и теперь ищу ее, чтобы вымолить у нее прощение, и не будет мне покоя, пока я не найду ее. Так отпустите же меня, ибо я должен вновь отправиться странствовать по свету, и нельзя мне медлить здесь, хоть вы и предлагаете мне корону и скипетр.

И, сказав это, он отвернулся от них и обратил свое лицо к улице, тянувшейся до самых городских ворот. И что же он увидел? Среди толпы, оттеснившей стражу, стояла нищенка, которая была его матерью, а рядом с ней стоял прокаженный. И крик радости сорвался с его уст, и, бросившись к своей матери, он осыпал поцелуями раны на ее ногах и оросил их слезами. Он склонил свою голову в дорожную пыль и, рыдая так, словно сердце его разрывалось, сказал:

– О мать моя! Я отрекся от тебя в дни моей гордыни. Не отринь же меня в час моего смирения! Я питал к тебе ненависть. Одари же меня любовью! Я отверг тебя. Прими же свое дитя...

Но нищенка не ответила ему ни слова.

И он простер руки к прокаженному и припал к его стопам, говоря:

– Трижды оказал я тебе милосердие. Умоли же мою мать ответить мне хоть единый раз.

Но прокаженный хранил безмолвие.

И снова зарыдал Мальчик-звезда и сказала:

– О мать моя, это страдание мне не по силам! Даруй мне свое прощение и позволь вернуться в наш лес.

И нищенка положила руку на его голову и сказала:

– Встань!

И прокаженный положил руку на его голову и тоже сказал:

– Встань!

И он встал с колен и посмотрел на них. И что же! Перед ним были Король и Королева. И Королева сказала ему:

– Вот твой отец, которому ты помог в час нужды.

А Король сказал:

– Вот твоя мать, чьи ноги ты омыл своими слезами.

И они пали в его объятия, и осыпали его поцелуями, и отвели во дворец, где облекли его в дивные одежды, и возложили на его голову корону, и дали ему в руки скипетр, и он стал властелином города, который стоял на берегу реки. И был он справедлив и милосерден ко всем. Он изгнал злого Волшебника, а Лесорубу и его жене послал богатые дары, а сыновей их сделал вельможами. И он не позволял никому обращаться жестоко с птицами и лесными зверями и всех учил добру, любви и милосердию. И он кормил голодных и сирых и одевал нагих, и в стране его всегда царили мир и благоденствие.

Но правил он недолго. Слишком велики были его муки, слишком тяжкому подвергся он испытанию – и спустя три года он умер. А преемник его был тираном.

СЛОВАРЬ

Саван

– широкое одеяние, покров из белой ткани для покойников.

Философ

– 1) ученый, мыслитель; 2) в переносном смысле – человек, который разумно, рассудительно и спокойно относится ко всем явлениям жизни, ко всем ее невзгодам.

Обуять

– охватить, овладеть с неудержимой силой (о душевном состоянии).

Жернов

– мельничный круг для перетирания, размола зерен в муку.

Подкидывш

– ребенок, подкинутый матерью чужим людям.

Косец

– то же, что косарь – тот, кто косит траву, злаки.

Помыкать

– притеснять кого-нибудь, распоряжаться кем-нибудь по своему произволу.

Свирель

– народный музыкальный инструмент в виде дудки из дерева, тростника.

Недужный

– нездоровый.

Увечный	– имеющий увечья, тяжелые телесные повреждения.
Прокаженный	– больной проказой: тяжелой кожной заразной болезнью, считающейся обычно неизлечимой.
Каштан	– дерево из семейства буковых со съедобными коричневыми плодами, а также сам плод.
Стенания	– стоны, крики со стонами.
Алебарда	– старинное оружие, фигурный топорик на длинном древке.
Кольчуга	– старинный воинский доспех в виде рубашки из металлических колец.
Тюрбан	– головной убор восточных народов из полотнища легкой материи, обмотанный вокруг головы.
Гяур	– у магометан: человек иной веры.
Мниться	– думать, казаться.
Сторичей	– во много раз (буквально: в сто раз) больше.
Стократ	– сто раз, во сто раз.
Ввергать	– вовлекать силой.
Потешаться	– издеваться.
Скипетр	– жезл с драгоценными камнями и резьбой – знак царской власти.
Пророчество	– предсказание.
Отринуть	– то же, что отвергнуть – не принять, отказать в чем-либо.
Сирий	– 1) ставший сиротой; 2) одинокий, бедный.
Преемник	– чей-нибудь продолжатель, тот, кто занял чье-нибудь место.
Тиран	– жестокий правитель.

ЗАДАНИЯ

1. По сказке О.Уайльда “Мальчик-звезда” можно сделать очень интересный диафильм. А знаешь ли ты, что такое диафильм? Прочитай, как ответили на этот вопрос твои ровесники, и попробуй сформулировать свой ответ.

В Один мальчик объяснил это так:

Ы – Это такая пленка, которая крутится, а на ней – картинки разные.

Б А другой ему возразил:

Е – Картинки не разные, а одинаковые. Они мелькают, и создается впечатление, что то, что нарисовано, движется.

Р Третий вмешался:

И – Оба вы неправы. Диафильм – это рисунки с подписями.

А как бы ты ответил(а) на вопрос, что такое диафильм? Чем отличается диафильм от кинофильма, от комикса?

2. Каким ты себе представляешь выросшего Мальчика-звезду? Опиши его словами и подбери к своему “рисунку” соответствующий текст.

3. Дома. Заверши начатую в классе работу по описанию первого кадра. Проверить, получился ли у тебя кадр диафильма, ты можешь, прочитав

СХЕМУ ОПИСАНИЯ КАДРА:

Какое место занимает этот кадр в ряду других

Что на нем изображено:

что изображено на переднем плане

что изображено на заднем плане

что изображено слева

что изображено справа

Каков фон кадра

Какие цвета использованы для изображения

Какой текст помогает раскрыть содержание рисунка

Где располагается текст

Какого рода этот текст: цитата или пересказ.

4. Дома. Сделай кадр диафильма по эпизоду разговора Мальчика-звезды с матерью.

5. Дома. Еще раз перечитай сказку и выдели эпизоды, которые помогут проследить изменения в душе Мальчика-звезды. Постарайся, чтобы эпизоды, которые ты выберешь, могли соответствовать будущим кадрам диафильма. Определи основную мысль каждого эпизода, подбери соответствующий ему текст.

 6. Подготовь порученный твоей творческой группе кадр диафильма и подумай, как лучше “представить” его “зрителям”.

7. Дома Прочитай афоризмы и подумай, все ли мысли, выраженные в них, нашли отражение на уроках по сказке О. Уайльда.

Не наружность надо украшать, но быть красивым в духовных начинаниях.

Фалес

В

Одним из дурных последствий жестокого поступка является то, что ожесточаются сердца очевидцев.

Ч. Бакстон

Ы

Б

При красоте тела невольно веришь в красоту души. При красоте души не замечаешь физического несовершенства.

И. Шевелев

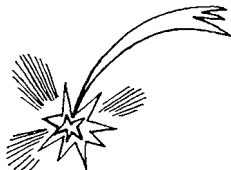
Е

Р

И

Выбери один из афоризмов и объясни, согласен ли ты с ним. Используй в качестве доказательств свои мысли, текст сказки О. Уайльда или другие известные тебе произведения литературы.

Узнай у своих родных и друзей, какой из этих афоризмов им кажется самым верным, и попроси их объяснить свою точку зрения.

Лев Толстой

ОТРЫВКИ ИЗ РОМАНА “ВОЙНА И МИР”

Был осенний, теплый, дождливый день. Небо и горизонт были одного и того же цвета мутной воды. То падал как будто туман, то вдруг припускал косой крупный дождь.

На породистой, худой, с подтянутыми боками лошади, в бурке и папахе, с которых струилась вода, ехал Денисов. Он, так же как и его лошадь, косившая голову и поджимав-

шая уши, морщился от косого дождя и озабоченно присматривался вперед. Исхудавшее и обросшее густой короткой черной бородой лицо его казалось сердито.

Рядом с Денисовым, также в бурке и папахе, на сытом, крупном донце ехал казачий эсаул – сотрудник Денисова. [...]

Немного впереди их шел насквозь промокший мужичок-проводник, в сером кафтане и белом колпаке.

Немного сзади, на худой, тонкой киргизской лошаденке с огромным хвостом и гривой и с продранными в кровь губами, ехал молодой офицер в синей французской шинели.

Рядом с ним ехал гусар, везя за собой на крупе лошади мальчика в французском оборванном мундире и синем колпаке. Мальчик держался красными от холода руками за гусара, пошевеливал, стараясь согреть их, свои босые ноги и, подняв брови, удивленно оглядывался вокруг себя. Это был взятый утром французский барабанщик.

Сзади, по три, по четыре, по узкой, раскиснувшей и изъезженной лесной дороге, тянулись гусары, потом казаки, кто в бурке, кто во французской шинели, кто в попоне, накинутой на голову. [...]

Выехав на просеку, по которой видно было далеко направо, Денисов остановился.

– Едет кто-то, – сказал он.

Эсаул посмотрел по направлению, указываемому Денисовым.

– Едут двое – офицер и казак. [...]

Ехавшие, спустившись под гору, скрылись из вида и через несколько минут опять показались. Впереди усталым галопом, погоняя нагайкой, ехал офицер – растрепанный, насквозь промокший и с взбившимися выше колен панталонами. За ним, стоя на стремянах, рысил казак. Офицер этот, очень молоденький мальчик, с широким румяным лицом и быстрыми, веселыми глазами, подскочил к Денисову и подал ему промокший конверт.

– От генерала, – сказал офицер. – Извините, что не совсем сухо...

Денисов, нахмурившись, взял конверт и стал распечатывать.

– Вот говорили всё, что опасно, опасно, – сказал офицер, обращаясь к эсаулу, в то время как Денисов читал поданный ему конверт. – Впрочем, мы с Комаровым, – он указал на казака, – приготовились. У нас по два писто... А это что ж? – спросил он, увидев французского барабанщика, – пленный? Вы уже в сражение были? Можно с ним поговорить?

– Ростов! Петя! – крикнул в это время Денисов, пробежав поданный ему конверт. – Да как же ты не сказал, кто ты? – И Денисов с улыбкой, обернувшись, протянул руку офицеру.

Офицер этот был Петя Ростов.

Во всю дорогу Петя приговаривался к тому, как он, как следует большому и офицеру, не намекая на прежнее знакомство, будет держать себя с Денисовым. Но как только Денисов улынулся ему, Петя тотчас же просиял, покраснел от радости и, забыв приготовленную официальность, начал рассказывать о том, как он проехал мимо французов, и как он рад, что ему дано такое поручение, и что он был уже в сражении под Вязьмой, и что там отличился один гусар.

– Ну, я рад тебя видеть, – перебил его Денисов, и лицо его приняло опять озабоченное выражение. [...]

В то время как Денисов говорил с эсаулом, Петя, сконфуженный холодным тоном Денисова и предполагая, что причиной этого тона было положение его панталон, так, чтобы никто этого не заметил, под шинелью поправлял взбившиеся панталоны, стараясь иметь вид как можно воинственнее.

– Будет какое-нибудь приказание от вашего высокоблагородия? – сказал он Денисову, приставляя руку к козырьку и опять возвращаясь к игре в адъютанта и генерала, к которой он приготовился, – или должен я оставаться при вашем высокоблагородии?

– Приказания?... – задумчиво сказал Денисов. – Да ты можешь ли остаться до завтрашнего дня?

– Ах, пожалуйста... Можно мне при вас остаться? – вскрикнул Петя.

– Да как тебе именно велено от генерала – сейчас вернуться? – спросил Денисов. Петя покраснел.

– Да он ничего не велел. Я думаю, можно? – сказал он вопросительно.

– Ну, ладно, – сказал Денисов. И, обратившись к своим подчиненным, он сделал распоряжения о том, чтоб партия шла к назначенному у караулки в лесу месту отдыха и чтобы офицер на киргизской лошади (офицер этот исполнял должность адъютанта) ехал отыскивать Долохова, узнать, где он и придет ли он вечером. Сам же Денисов с эсаулом и Петей намеревался подъехать к опушке леса, выходящей к Шамшеву, с тем, чтобы взглянуть на то место расположения французов, на которое должно было быть направлено завтрашнее нападение.

– Ну, борода, – обратился он к мужику-проводнику, – веди к Шамшеву.

Денисов, Петя и эсаул, спутствуемые несколькими казаками и гусаром, который вез пленного, поехали влево через овраг, к опушке леса.

Дождик прошел, только падал туман и капли воды с веток деревьев. Денисов, эсаул и Петя молча ехали за мужиком в колпаке, который, легко и беззвучно ступая своими вывернутыми в лаптях ногами по корням и мокрым листьям, вел их к опушке леса.

Выйдя на изволок, мужик приостановился, огляделся и направился к редевшей стене деревьев. У большого дуба, еще не скинувшего листа, он остановился и таинственно помыл к себе рукою.

Денисов и Петя подъехали к нему. С того места, на котором остановился мужик, были видны французы. Сейчас за лесом шло вниз полубугром яровое поле. Вправо, через крутой овраг, виднелась небольшая деревушка и барский домик с разваленными крышами. В этой деревушке и в барском доме, и по всему бугру, в саду, у колодцев и пруда, и по всей дороге в гору от моста к деревне, не более как в двухстах саженьях расстояния, виднелись в колеблющемся тумане толпы народа. Слышны были явственно их нерусские крики на выдиравшихся в гору лошадей в повозках и призывы друг другу.

– Пленного дайте сюда, – негромко сказал Денисов, не спуская глаз с французов.

Казак слез с лошади, снял мальчика и вместе с ним подошел к Денисову. Денисов, укачивая на французов, спрашивал, какие и какие это были войска. Мальчик, засунув свои озябшие руки в карманы и подняв брови, испуганно смотрел на Денисова и, несмотря на видимое желание сказать все, что он знал, путался в своих ответах и только подтверждал то, что спрашивал Денисов. Денисов, нахмурившись, отвернулся от него и обратился к эсаулу, сообщая ему свои сообщения.

Петя, быстрыми движениями поворачивая голову, оглядывался то на барабанщика, то на Денисова, то на эсаула, то на французов в деревне и на дороге, стараясь не пропустить чего-нибудь важного.

– Придет, не придет Долохов, надо брать!.. А? – сказал Денисов, весело блеснув глазами.

– Место удобное, – сказал эсаул.

– Пехоту низом пошлем – болотами, – продолжал Денисов, – они подлезут к саду; вы заедете с казаками оттуда, – Денисов указал на лес за деревней, – а я отсюда, с своими гусарами. И по выстрелу...

– Ложиной нельзя будет – трясина, – сказал эсаул. – Коней увязишь, надо объезжать полеее.

В то время как они вполголоса говорили таким образом, внизу, в ложине от пруда, щелкнул один выстрел, забелелся дымок, другой и послышался дружный, как будто веселый крик сотен голосов французов, бывших на полугоре. В первую минуту и Денисов, и эсаул подались назад. Они были так близко, что им показалось, что они были причиной этих выстрелов и криков. Но выстрелы и крики не относились к ним. Низом, по болотам, бежал человек в чем-то красном. Очевидно, по нем стреляли и на него кричали французы.

– Ведь это Тихон наш, – сказал эсаул.

– Он! он и есть!

– Эка шельма, – сказал Денисов.

– Уйдет! – шуря глаза, сказал эсаул.

Человек, которого они называли Тихоном, подбежав к речке, бултыхнулся в нее так, что брызги полетели, и, скрывшись на мгновение, весь черный от воды, выбрался на четвереньках и побежал дальше. Французы, бежавшие за ним, остановились.

– Ну, ловок, – сказал эсаул.

– Экая bestия! – с тем же выражением досады проговорил Денисов. – И что он делал до сих пор?

– Это кто? – спросил Петя.

– Это наш пластун. Я его посылал языка взять.

– Ах, да, – сказал Петя с первого слова Денисова, кивая головой, как будто он все понял, хотя он решительно не понял ни одного слова.

Тихон Щербатый был один из самых нужных людей в партии. Он был мужик из Покровского под Гжатью. Когда, при начале своих действий, Денисов пришел в Покровское и, как всегда, призвав старосту, спросил о том, что им известно про французов, староста отвечал, как отвечали и все старосты, как бы защищаясь, что они ничего знать не знают, ведь не ведают. Но когда Денисов объяснил им, что его цель бить французов, и когда он спро-

сил, не забредали ли к ним французы, то староста сказал, что *миродеры* бывали точно, но что у них в деревне только один Тишка Щербатый занимался этими делами. Денисов велел позвать к себе Тихона и, похвалив его за его деятельность, сказал при старосте несколько слов о той верности царю и отечеству и ненависти к французам, которую должны блюсти сыны отечества.

– Мы французам худого не делаем, – сказал Тихон, видимо оробев при этих словах Денисова. – Мы только так, значит, по охоте баловались с ребятами. *Мироде́ров* точно десятка два побили, а то мы худого не делали... – На другой день, когда Денисов, совершенно забыв про этого мужика, вышел из Покровского, ему доложили, что Тихон пристал к партии и просился, чтобы его при ней оставили. Денисов велел оставить его.

Тихон, сначала исправлявший черную работу раскладки костров, доставления воды, обдиранья лошадей и т. п., скоро оказал большую охоту и способность к партизанской войне. Он по ночам уходил на добычу и всякий раз приносил с собой платье и оружие французское, а когда ему приказывали, то приводил и пленных. Денисов отставил Тихона от работ, стал брать его с собою в разъезды и зачислил в казаки.

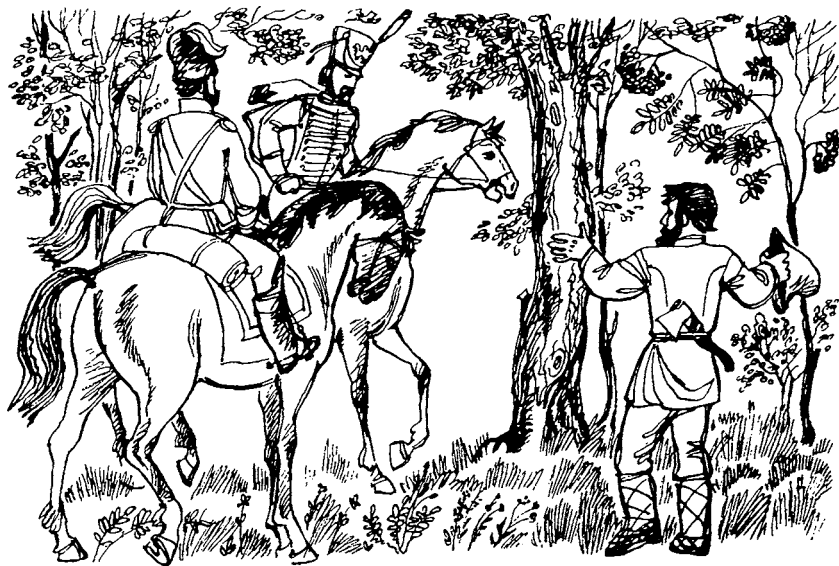
Тихон не любил ездить верхом и всегда ходил пешком, никогда не отставая от кавалерии. Оружие его составляли мушкетон, который он носил больше для смеха, пика и топор, которым он владел, как волк владеет зубами, одинаково легко выбирая ими блох из шерсти и перекусывая толстые кости. Тихон одинаково верно, со всего размаха, раскалывал топором бревна и, взяв топор за обух, выстрагивал им тонкие колышки и вырезывал ложки. В партии Денисова Тихон занимал свое особенное, исключительное место. Когда надо было сделать что-нибудь особенно трудное и гадкое – выворотить плечом в грязи повозку, за хвост вытащить из болота лошадь, ободрать ее, залезть в самую середину французов, пройти в день по пятьдесят верст, – все указывали, посмеиваясь, на Тихона.

– Что ему, черту, делается, меренина здоровенный, – говорили про него.

Один раз француз, которого брал Тихон, выстрелил в него из пистолета и попал ему в мякоть спины. Рана эта, от которой Тихон лечился только водкой, внутренне и наружно, была предметом самых веселых шуток во всем отряде, и шуток, которым охотно поддавался Тихон.

– Что, брат, не будешь? Али скрючило? – смеялись ему казаки, и Тихон, нарочно скорчившись и делая рожи, притворяясь, что он сердится, самыми смешными ругательствами бранил французов. Случай этот имел на Тихона только то влияние, что после своей раны он редко приводил пленных.

Тихон был самый полезный и храбрый человек в партии. Никто больше его не открыл случаев нападения, никто больше его не побрал и не побил французов; и вследствие этого он был шут всех казаков, гусаров и сам охотно поддавался этому чину. Теперь Тихон был послан Денисовым, в ночь еще, в Шамшево для того, чтобы взять языка. Но, или потому, что он не удовлетворился одним французом, или потому, что он проспал ночь, он днем залез в кусты, в самую середину французов и, как видел с горы Денисов, был открыт ими.

* * *

Поговорив еще несколько времени с эсаулом о завтрашнем нападении, которое теперь, глядя на близость французов, Денисов, казалось, окончательно решил, он повернул лошадь и поехал назад.

– Ну, брат, теперь поедем обсушимся, – сказал он Пете.

Подъезжая к лесной караулке, Денисов остановился, вглядываясь в лес. По лесу, между деревьев, большими легкими шагами шел на длинных ногах, с длинными мотающимися руками, человек в куртке, лаптях и казанской шляпе, с ружьем через плечо и топором за поясом. Увидав Денисова, человек этот поспешно швырнул что-то в куст и, сняв с отвисшими полями мокрую шляпу, подошел к начальнику. Это был Тихон. Изрытое оспой и морщинами лицо его с маленькими узкими глазами сияло самодовольным весельем. Он, высоко подняв голову и как будто удерживаясь от смеха, уставился на Денисова.

– Ну где пропадал? – сказал Денисов.

– Где пропадал? За французами ходил, – смело и поспешно отвечал Тихон хриплым, но певучим басом.

– Зачем же ты днем полез? Скотина! Ну что ж, не взял?..

– Взять-то взял, – сказал Тихон.

– Где ж он?

– Да я его взял сперва-наперво на зорьке еще, – продолжал Тихон, переставляя пошире плоские, вывернутые в лаптях ноги, – да и свел в лес. Вижу, не ладен. Думаю, дай схожу, другого поаккуратнее какого возьму.

– Ишь, шельма, так и есть, – сказал Денисов эсаулу. – Зачем же ты этого не привел?

– Да что ж его водить-то, – сердито и поспешно перебил Тихон, – не гожающий. Разве я не знаю, каких вам надо?

– Эка bestия!.. Ну?..

– Пошел за другим, – продолжал Тихон, – подполз я таким манером в лес, да и лег. – Тихон неожиданно и гибко лег на брюхо, представляя в лицах, как он это сделал. – Один и навернись, – продолжал он. – Я его таким манером и страбь. – Тихон быстро, легко вскочил. – Пойдем, говорю, к полковнику. Как загалдит. А их тут четверо. Бросились на меня с шпакками. Я на них таким манером топором: что вы, мол, Христос с вами, – вскрикнул Тихон, размахнув руками и грозно хмурясь, выставя грудь.

– То-то мы с горы видели, как ты стречка задавал через лужи-то, – сказал эсаул, суживая свои блестящие глаза.

Пете очень хотелось смеяться, но он видел, что все удерживались от смеха. Он быстро переводил глаза с лица Тихона на лицо эсаула и Денисова, не понимая того, что все это знасило.

– Ты дурака-то не представляй, – сказал Денисов, сердито покашливая. – Зачем первого не привел?

Тихон стал чесать одной рукой спину, другой голову, и вдруг вся рожа его растянулась в сияющую глупую улыбку, открывшую недостаток зуба (за что он и прозван Щербатый). Денисов улыбнулся, и Петя залился веселым смехом, к которому присоединился и сам Тихон.

– Да что, совсем несправный, – сказал Тихон. – Одежонка плохенькая на нем, куда же его водить-то. Да и грубиян, ваше благородие. Как же, говорит, я сам анаральский сын, не пойду, говорит.

– Экая скотина! – сказал Денисов. – Мне расспросить надо...

– Да я его спрашивал, – сказал Тихон. – Он говорит: плохо *зна́ком*. Наших, говорит, и много, да всё плохие; только, говорит, одна названия. Ахнете, говорит, хорошенько, всех заберите, – заключил Тихон, весело и решительно взглянув в глаза Денисова.

– Вот я те всыплю сотню горячих, ты и будешь дурака-то корчить, – сказал Денисов строго.

– Да что же сердчать-то, – сказал Тихон, – что ж, я не видал французов ваших? Вот дай позатемянет, я тебе каких хошь, хоть троих приведу.

– Ну, поедем, – сказал Денисов. И до самой караулки он ехал, сердито нахмурившись и молча.

Тихон зашел сзади, и Петя слышал, как смеялись с ним и над ним казаки о каких-то сапогах, которые он бросил в куст.

Когда прошел тот овладевший им смех при словах и улыбке Тихона, и Петя понял на мгновение, что Тихон этот убил человека, ему сделалось неловко. Он оглянулся на пленного барабаника, и что-то кольнуло его в сердце. Но эта неловкость продолжалась только одно мгновение. Он почувствовал необходимость повыше поднять голову, подбодриться и расспросить эсаула с значительным видом о завтрашнем предприятии, с тем чтобы не быть недостойным того общества, в котором он находился.

Посланный офицер встретил Денисова на дороге с известием, что Долохов сам сейчас придет и что с его стороны все благополучно.

Денисов вдруг повеселел и поздравил к себе Петю.

— Ну, расскажи ты мне про себя, — сказал он.

* * *

Петя при выезде из Москвы, оставив своих родных, присоединился к своему полку и скоро после этого был взят ординаром к генералу, командовавшему большим отрядом. Со времени своего производства в офицеры, и в особенности с поступления в действующую армию, где он участвовал в Вяземском сражении, Петя находился в постоянно счастливо-возбужденном состоянии радости на то, что он большой, и в постоянно восторженной поспешности не пропустить какого-нибудь случая настоящего геройства. Он был очень счастлив тем, что он видел и испытывал в армии, но вместе с тем ему все казалось, что там, где его нет, там-то теперь и совершается самое настоящее, геройское. И он торопился поспеть туда, где его не было.

Когда 21-го октября его генерал выразил желание послать кого-нибудь в отряд Денисова, Петя так жалостно просил, чтобы послать его, что генерал не мог отказать. Но, отправляя его, генерал, поминая безумный поступок Пети в Вяземском сражении, где Петя,

вместо того чтобы ехать дорогой туда, куда он был послан, поскакал в цепь под огонь французов и выстрелил там два раза из своего пистолета, – отправляя его, генерал именно запретил Пете участвовать в каких бы то ни было действиях Денисова. От этого-то Петя покраснел и смешался, когда Денисов спросил, можно ли ему остаться. До выезда на опушку леса Петя считал, что ему надобно, строго исполняя свой долг, сейчас же вернуться. Но когда он увидел французов, увидел Тихона, узнал, что в ночь непременно атакуют, он, с быстротою переходов молодых людей от одного взгляда к другому, решил сам с собою, что генерал его, которого он до сих пор очень уважал, – дрянь, немец, что Денисов герой, и эсаул герой, и Тихон герой и что ему было бы стыдно уехать от них в трудную минуту.

Уже смеркалось, когда Денисов с Петей и эсаулом подъехали к караулке. В полутьме виднелись лошади в седлах, казаки, гусары, прилаживавшие шалашики на поляне и (чтобы не видели дыма французы) разводившие красневший огонь в лесном овраге. В сенах маленькой избушки казак, засучив рукава, рубил баранину. В самой избе были три офицера из партии Денисова, устроившие стол из двери. Петя снял, отдав сушить, свое мокрое платье и тотчас принялся содействовать офицерам в устройстве обеденного стола.

Через десять минут был готов стол, покрытый салфеткой. На столе была водка, ром в фляжке, белый хлеб и жареная баранина с солью.

Сидя вместе с офицерами за столом и разрывая руками, по которым текло сало, жирную душистую баранину, Петя находился в восторженном детском состоянии нежной любви ко всем людям и вследствие того уверенности в такой же любви к себе других людей.

– Так что же вы думаете, Василий Федорович, – обратился он к Денисову, – ничего, что я с вами останусь на денек? – И, не дожидаясь ответа, он сам отвечал себе: – Ведь мне велено узнать, ну вот я и узнаю... Только вы меня пустите в самую... в главную. Мне не нужно наград... А мне хочется... – Петя стиснул зубы и оглянулся, подергивая вверх поднятой головой и размахивая рукой.

– В самую главную... – повторил Денисов, улыбаясь.

– Только уж, пожалуйста, мне дайте команду совсем, чтобы я командовал, – продолжал Петя, – ну что вам стоит? Ах, вам ножик? – обратился он к офицеру, хотевшему отрезать баранины. И он подал свой складной ножик.

Офицер похвалил ножик.

– Возьмите, пожалуйста, себе. У меня много таких... – покраснев, сказал Петя. – Батюшки! Я и забыл совсем, – вдруг вскрикнул он. – У меня изом чудесный, знаете, такой, без косточек. У нас маркитант новый – и такие прекрасные вещи. Я купил десять фунтов. Я привык что-нибудь сладкое. Хотите?... – И Петя побежал в сени к своему казаку, принес торбы, в которых было фунтов пять изюму. – Кушайте, господа, кушайте.

– А то не нужно ли вам кофейник? – обратился он к эсаулу. – Я у нашего маркитанта купил, чудесный! У него прекрасные вещи. И он честный очень. Это главное. Я вам пришлю непременно. А может быть еще, у вас вышли, обились кремни, – ведь это бывает. Я взял с собою, у меня вот тут... – он показал на торбы, – сто кремней. Я очень дешево купил. Возьмите, пожалуйста, сколько нужно, а то и все... – И вдруг, испугавшись, не заврался ли он, Петя остановился и покраснел.

Он стал вспоминать, не сделал ли он еще каких-нибудь глупостей. И, перебирая воспоминания нынешнего дня, воспоминание о французе-барабанщике представилось ему. "Нам-то отлично, а ему каково? Куда его дели? Покормили ли его? Не обидели ли?" – подумал он. Но заметив, что он заврался о кремнях, он теперь боялся.

"Спросить бы можно, – подумал он, – да скажут: сам мальчик и мальчика пожалел. Я им покажу завтра, какой я мальчик! стыдно будет, если я спрошу? – думал Петя. – Ну, да все равно!" – и тотчас же, покраснев и испуганно глядя на офицеров, не будет ли в их лицах насмешки, он сказал:

– А можно позвать этого мальчика, что взяли в плен? дать ему чего-нибудь поесть... может...

– Да, жалкий мальчишка, – сказал Денисов, видимо, не найдя ничего стыдного в этом напоминании. – Позвать его сюда. Vincent Bosse¹ его зовут. Позвать.

– Я позову, – сказал Петя.

– Позови, позови. Жалкий мальчишка, – повторил Денисов.

Петя стоял у двери, когда Денисов сказал это. Петя пролез между офицерами и близко подошел к Денисову.

– Позвольте вас поцеловать, голубчик, – сказал он. – Ах, как отлично! как хорошо! – И, поцеловав Денисова, он побежал на двор.

– Bosse! Vincent! – прокричал Петя, остановясь у двери.

– Вам кого, сударь, надо? – сказал голос из темноты. Петя отвечал, что того мальчишка-француза, которого взяли нынче.

– А! Весеннего? – сказал казак.

Имя его Vincent уже переделали: казаки – в Весеннего, а мужики и солдаты – в Висеню. В обеих переделках это напоминание о весне сходилось с представлением о молоденьком мальчике.

– Он там у костра грелся. Эй, Висеня! Висеня! Весенний! – слышались в темноте передающиеся голоса и смех.

– А мальчонок шустрый, – сказал гусар, стоявший подле Пети. – Мы его покормили давеча. Страсть голодный был!

В темноте слышались шаги и, шлепая босыми ногами по грязи, барабанщик подошел к двери.

– Ah, c'est vous! – сказал Петя. – Voulez-vous manger? N'ayez pas peur, on ne vous fera pas de mal, – прибавил он, робко и ласково дотрогиваясь до его руки. – Entrez, entrez².

– Merci, monsieur³, – отвечал барабанщик дрожащим, почти детским голосом и стал обтирать о порог свои грязные ноги. Пете многое хотелось сказать барабанщику, но он не смел. Он, переминаясь, стоял подле него в сенях. Потом в темноте взял его за руку и пожал ее.

– Entrez, entrez, – повторил он только нежным шепотом.

¹ Венсан Босс.

² Ах, это вы! Хотите есть? Не бойтесь, вам ничего не сделают. Войдите, войдите.

³ Благодарю, господин.

"Ах, что бы мне ему сделать!" – проговорил сам с собою Петя и, отворив дверь, пропустил мимо себя мальчика.

Когда барабанщик вошел в избушку, Петя сел подальше от него, считая для себя унижительным обращать на него внимание. Он только ощупывал в кармане деньги и был в сомнение, не стыдно ли будет дать их барабанщику.

* * *

От барабанщика, которому по приказанию Денисова дали водки, баранины и которого Денисов велел одеть в русский кафтан, с тем, чтобы, не отсылая с пленными, оставить его при партии, внимание Пети было отвлечено приездом Долохова. Петя в армии слышал много рассказов про необычайную храбрость и жестокость Долохова с французами, и потому с тех пор, как Долохов вошел в избу, Петя, не спуская глаз, смотрел на него и все больше подбадривался, подергивая поднятой головой, с тем чтобы не быть недостойным даже и такого общества, как Долохов.

Наружность Долохова странно поразила Петю своей простотой.

Денисов одевался в чекмень, носил бороду и на груди образ Николая чудотворца и в манере говорить, во всех приемах выказывал особенность своего положения. Долохов же, напротив, прежде, в Москве, носивший персидский костюм, теперь имел вид самого чопорного гвардейского офицера. Лицо его было чисто выбрито, одет он был в гвардейский ваточный сюртук с Георгием в петлице и в прямо надетой простой фуражке. Он снял в углу мокрую бурку и, подойдя к Денисову, не здороваясь ни с кем, тотчас же стал расспрашивать о деле. Денисов рассказывал ему про замыслы, которые имели на их транспорт большие отряды, и про присылку Пети, и про то, как он отвечал обоим генералам. Потом Денисов рассказал все, что он знал про положение французского отряда.

– Это так, но надо знать, какие и сколько войск, – сказал Долохов, – надо будет съездить. Не зная верно, сколько их, пускаться в дело нельзя. Я люблю аккуратно дело делать. Вот, не хочешь ли кто из господ съездить со мной в их лагерь. У меня и мундиры с собою.

– Я, я... я поеду с вами! – вскрикнул Петя.

– Совсем и тебе не нужно ездить, – сказал Денисов, обращаясь к Долохову, – а уж его я ни за что не пушу.

– Вот прекрасно! – вскрикнул Петя. – Отчего же мне не ехать?..

– Да оттого, что незачем.

– Ну, уж вы меня извините, потому что... потому что... я поеду, вот и все. Вы возьмете меня? – обратился он к Долохову.

– Отчего ж... – рассеянно отвечал Долохов, глядявываясь в лицо французского барабанщика.

– Давно у тебя молодчик этот? – спросил он у Денисова.

– Нынче взяли, да ничего не знает. Я оставил его при себе.

– Ну, а остальных ты куда деваешь? – сказал Долохов.

– Как куда? Отсылаю под расписки! – вдруг покраснев, вскрикнул Денисов. – И смело скажу, что на моей совести нет ни одного человека. Разве тебе трудно отослать тридцать ли, триста ли человек под конвоем в город, чем марать, я прямо скажу, честь солдата.

– Вот молоденькому графчику в шестнадцать лет говорить эти любезности прилично, – с холодной усмешкой сказал Долохов, – а тебе-то уж это оставить пора.

– Что ж, я ничего не говорю, я только говорю, что я непременно поеду с вами, – робко сказал Петя.

– А нам с тобой пора, брат, бросить эти любезности, – продолжал Долохов, как будто он находил особенное удовольствие говорить об этом предмете, раздражавшем Денисова. – Ну этого ты зачем взял к себе? – сказал он, покачивая головой. – Затем, что тебе его жалко? Ведь мы знаем эти твои расписки. Ты пошлешь их сто человек, а придут тридцать. Помрут с голоду или поубьют. Так не все ли равно их и не брать?

Эсаул, шуря светлые глаза, одобрительно кивал головой.

– Это все равно, тут рассуждать нечего. Я на свою душу взять не хочу. Ты говоришь – помрут. Ну, хорошо. Только бы не от меня.

Долохов засмеялся.

– Кто же им не велел меня двадцать раз поймать? А ведь поймают – меня и тебя, с твоим рыцарством, все равно на осинку. – Он помолчал. – Однако надо дело делать. Послать моего казака с выюком! У меня два французских мундира. Что ж, едем со мной? – спросил он у Пети.

– Я? Да, да, непременно, – покраснев почти до слез, вскрикнул Петя, взглядывая на Денисова.

Опять в то время, как Долохов заспорил с Денисовым о том, что надо делать с пленными, Петя почувствовал неловкость и торопливость; но опять не успел понять хорошенько того, о чем они говорили. "Ежели так думают большие, известные, стало быть, так надо, стало быть, это хорошо, – думал он. – А главное, надо, чтобы Денисов не смел думать, что я слушаюсь его, что он может мной командовать. Непременно поеду с Долоховым во французский лагерь. Он может, и я могу!"

На все убеждения Денисова не ездить Петя отвечал, что он тоже привык все делать аккуратно, а не наобум Лазаря, и что он об опасности себе никогда не думает.

– Потому что, – согласитесь сами, – если не знать верно, сколько там, от этого зависит жизнь, может быть, сотен, а тут мы одни, и потом мне очень этого хочется, и непременно, непременно поеду, вы уж меня не удержите, – говорил он, – только хуже будет... [...]

Вернувшись к караулке, Петя застал Денисова в сених. Денисов в волнении, беспокойстве и досаде на себя, что отпустил Петю, ожидал его.

– Слава Богу! – крикнул он. – Ну, слава Богу! – повторял он, слушая восторженный рассказ Пети. – И черт тебя возьми, из-за тебя не спал! – проговорил Денисов. – Ну, слава богу, теперь ложись спать. Еще вздремнем до утра.

– Да... Нет, – сказал Петя. – Мне еще не хочется спать. Да я и себя знаю, ежели засну, так уж кончено. И потом я привык не спать перед сражением.

Петя посидел несколько времени в избе, радостно вспоминая подробности своей поездки и живо представляя себе то, что будет завтра. Потом, заметив, что Денисов заснул, он встал и пошел на двор.

На дворе еще было совсем темно. Дождик прошел, но капли еще падали с деревьев. Вблизи от караулки виднелись черные фигуры казачьих шалашей и связанных вместе лошадей. За избушкой чернелись две фуры, у которых стояли лошади, и в овраге краснелся догоравший огонь. Казаки и гусары не все спали: кое-где слышались, вместе с звуком падающих капель и близкого звука жевания лошадей, негромкие, как бы шепчущиеся голоса.

Петя вышел из сеней, огляделся в темноте и подошел к фурам. Под фурами храпел кто-то, и вокруг них стояли, жуя овес, оседланные лошади. В темноте Петя узнал свою лошадь, которую он называл Карабахом, хотя она была малороссийская лошадь, и подошел к ней.

– Ну, Карабах, завтра послужим, – сказал он, нюхая ее ноздри и целуя ее.

– Что, барин, не спите? – сказал казак, сидевший под фурой.

– Нет; а... Лихачев, кажется, тебя звать? Ведь я сейчас только приехал. Мы ездили к французам. – И Петя подробно рассказал казаку не только свою поездку, но и то, почему он ездил и почему он считает, что лучше рисковать своей жизнью, чем делать наобум Лазаря.

– Что же, соснули бы, – сказал казак.

– Нет, я привык, – отвечал Петя. – А что, у вас кремни в пистолетах не обились? Я привез с собою. Не нужно ли? Ты возьми.

Казак высунулся из-под фуры, чтобы поближе рассмотреть Петю.

– Оттого, что я привык все делать аккуратно, – сказал Петя. – Иные так, кое-как, не приготавливаются, потом и жалеют. Я так не люблю.

– Это точно, – сказал казак.

– Да еще вот что, пожалуйста, голубчик, наточи мне саблю; затупи... (но Петя боялся солгать) она никогда отточена не была. Можно это сделать?

– Отчего ж, можно.

Лихачев встал, порывлся в выюках, и Петя скоро услышал воинственный звук стали о брусек. Он влез на фуру и сел на край ее. Казак под фурой точил саблю.

– А что же, спят молодцы? – сказал Петя.

– Кто спит, а кто так вот.

– Ну, а мальчик что?

– Весенний-то? Он там, в сенцах, завалился. Со страху спит. Уж рад-то был.

Долго после этого Петя молчал, прислушиваясь к звукам. В темноте послышались шаги и показалась черная фигура.

– Что точишь? – спросил человек, подходя к фуре.

– А вот барину наточить саблю.

– Хорошее дело, – сказал человек, который показался Пете гусаром. – У вас, что ли, чашка осталась?

– А вон у колеса.

Гусар взял чашку.

– Небось скоро свет, – проговорил он, зевая, и прошел куда-то.

Петя должен бы был знать, что он в лесу, в партии Денисова, в версте от дороги, что он сидит на фуре, отбитой у французов, около которой привязаны лошади, что под ним сидит казак Лихачев и натачивает ему саблю, что большое черное пятно направо – караулка, и красное яркое пятно внизу налево – догоравший костер, что человек, приходивший за чашкой, – гусар, который хотел пить; но он ничего не знал и не хотел знать этого. Он был в волшебном царстве, в котором ничего не было похожего на действительность. Большое черное пятно, может быть, точно была караулка, а может быть, была пещера, которая вела в самую глубь земли. Красное пятно, может быть, был огонь, а может быть – глаз огромного чудовища. Может быть, он точно сидит теперь на фуре, а очень может быть, что он сидит не на фуре, а на страшно высокой башне, с которой ежли упасть, то лететь бы до земли целый день, целый месяц – все лететь и никогда не долетишь. Может быть, что под фурой сидит просто казак Лихачев, а очень может быть, что это – самый добрый, храбрый, самый чудесный, самый превосходный человек на свете, которого никто не знает. Может быть, это точно проходил гусар за водой и пошел в лоцину, а может быть, он только что исчез из виду и совсем исчез, и его не было.

Что бы ни увидел теперь Петя, ничто бы не удивило его. Он был в волшебном царстве, в котором все было возможно.

Он поглядел на небо. И небо было такое же волшебное, как и земля. На небе расщипало, и над вершинами деревьев быстро бежали облака, как будто открывая звезды. Иногда казалось, что на небе расщипало и показывалось черное, чистое небо. Иногда казалось, что эти черные пятна были тучки. Иногда казалось, что небо высоко, высоко поднимается над головой; иногда небо спускалось совсем, так что рукой можно было достать его.

Петя стал закрывать глаза и покачиваться.

Капли капали. Шел тихий говор. Лошади заржали и подрались. Храпел кто-то.

– Ожиг, жиг, ожиг, жиг... – свистела натачиваемая сабля. И вдруг Петя услышал стройный хор музыки, игравшей какой-то неизвестный, торжественно сладкий гимн. Петя был музыкален [...], но он никогда не учился музыке, не думал о музыке, и потому мотивы, неожиданно приходившие ему в голову, были для него особенно новы и привлекательны. Музыка играла все слышнее и слышнее. Напев разрастался, переходил из одного инструмента в другой. Происходило то, что называется фугой, хотя Петя не имел ни малейшего понятия о том, что такое fuga. Каждый инструмент, то похожий на скрипку, то на трубы – но лучше и чище, чем скрипки и трубы, – каждый инструмент играл свое и, не доиграв еще мотива, сливался с другим, начинавшим почти то же, и с третьим, и с четвертым, и все они сливались в одно и опять разбегались, и опять сливались то в торжественно церковное, то в ярко блестящее и победное.

“Ах, да, ведь это я во сне, – качнувшись наперед, сказал себе Петя. – Это у меня в ушах. А может быть, это моя музыка. Ну, опять. Валия моя музыка! Ну!”

Он закрыл глаза. И с разных сторон, как будто издалека, затрепетали звуки, стали сливаться, разбегаться, сливаться, и опять все соединилось в тот же сладкий и торжественный гимн. "Ах, это прелесть что такое! Сколько хочу и как хочу", – сказал себе Петя. Он попробовал руководить этим огромным хором инструментов.

"Ну, тише, тише, замирайте теперь. – И звуки слушались его. – Ну, теперь полнее, веселее. Еще, еще радостнее. – И из неизвестной глубины поднимались усиливающиеся, торжественные звуки. – Ну, голоса, приставайте!" – приказал Петя. И сначала издалека послышались голоса мужские, потом женские. Голоса росли, росли в равномерном торжественном усилении. Пете страшно и радостно было внимать их необычайной красоте.

С торжественным победным маршем сливалась песня, и капли капали, и вжиг, жиг, жиг... свистела сабля, и опять подрались и заржали лошади, не нарушая хора, а входя в него. Петя не знал, как долго это продолжалось: он наслаждался, все время удивлялся своему наслаждению и жалел, что некому сообщить его. Его разбудил ласковый голос Лихачева.

– Готово, ваше благородие, надвое ханцуза распластаете.

Петя очнулся.

– Уж светает, право, светает! – вскрикнул он.

Невидные прежде лошади стали видны до хвостов, и сквозь оголенные ветки виднелся водянистый свет. Петя встряхнулся, вскочил, достал из кармана целковый и дал Лихачеву, махнув, попробовал шашку и положил ее в ножны. Казаки отвязывали лошадей и подтягивали подпруги.

– Вот и командир, – сказал Лихачев.

Из караулки вышел Денисов и, окликнув Петю, приказал собираться.

Быстро в полутьме разобрали лошадей, подтянули подпруги и разобрались по командам. Денисов стоял у караулки, отдавая последние приказания. Пехота партии, шлепая сотней ног, прошла вперед по дороге и быстро скрылась между деревьев в предрассветном тумане. Эсаул что-то приказывал казакам. Петя держал свою лошадь в поводу, с нетерпением ожидая приказа садиться. Обмытое холодной водой, лицо его, в особенности глаза горели огнем, озноб пробегал по спине, и во всем теле что-то быстро и равномерно дрожало.

– Ну, готово у вас все? – сказал Денисов. – Давай лошадей.

Лошадей подали. Денисов рассердился на казака за то, что подпруги были слабы, и, разбранив его, сел. Петя взялся за стремя. Лошадь, по привычке, хотела куснуть его за ногу, но Петя, не чувствуя своей тяжести, быстро вскочил в седло и, оглядываясь на тронувшихся сзади в темноте гусар, подъехал к Денисову.

– Василий Федорович, вы мне поручите что-нибудь? Пожалуйста... ради Бога... – сказал он. Денисов, казалось, забыл про существование Пети. Он оглянулся на него.

– Об одном тебя прошу, – сказал он строго, – слушаться меня и никуда не соваться.

Во все время переезда Денисов ни слова не говорил больше с Петей и ехал молча. Когда подъехали к опушке леса, в поле заметно уже стало светлеть. Денисов поговорил

что-то шепотом с эсаулом, и казаки стали проезжать мимо Пети и Денисова. Когда они все проехали, Денисов тронул свою лошадь и поехал под гору. Садясь на зады и скользя, лошади спускались с своими седоками в ложину. Петя ехал рядом с Денисовым. Дрожь во всем его теле все усиливалась. Становилось все светлее и светлее, только туман скрывал отдаленные предметы. Съехав вниз и оглянувшись назад, Денисов кивнул головой казаку, стоявшему подле него.

— Сигнал! — проговорил он.

Казак поднял руку, раздался выстрел. И в то же мгновение послышался топот впереди поскакавших лошадей, крики с разных сторон и еще выстрелы.

В то же мгновение, как раздался первые звуки топота и крика, Петя, ударив свою лошадь и выпустив поводья, не слушая Денисова, кричавшего на него, поскакал вперед. Пете показалось, что вдруг совершенно, как середь дня, ярко рассвело в ту минуту, как послышался выстрел. Он подскакал к мосту. Впереди по дороге скакали казаки. На мосту он столкнулся с отставшим казаком и поскакал дальше. Впереди какие-то люди — должно быть, это были французы, — бежали с правой стороны дороги на левую. Один упал в грязь под ногами Петиной лошади.

У одной избы столпились казаки, что-то делая. Из середины толпы послышался страшный крик. Петя подскакал к этой толпе, и первое, что он увидал, было бледное, с трясущейся нижней челюстью лицо француза, державшегося за древко направленной на него пик.

— Ура!.. Ребята... наши... — прокричал Петя и, дав поводья разгорячившейся лошади, поскакал вперед по улице.

Впереди слышны были выстрелы. Казаки, гусары и русские оборванные пленные, бежавшие с обеих сторон дороги, все громко и нескладно кричали что-то. Молодцеватый, без шапки, с красным нахмуренным лицом, француз в синей шинели отбивался штыком от гусаров. Когда Петя подскакал, француз уже упал. Опять опоздал, мелькнуло в голове Пети, и он поскакал туда, откуда слышались частые выстрелы. Выстрелы раздавались на дворе того барского дома, на котором он был вчера ночью с Долоховым. Французы засели там за плетнем в густом, заросшем кустами саду и стреляли по казакам, столпившимся у ворот. Подъезжая к воротам, Петя в пороховом дыму увидал Долохова с бледным, зеленоватым лицом, кричавшего что-то людям. "В объезд! Пехоту подождать!" — кричал он, в то время как Петя подъехал к нему.

— Подождать?.. Ураааа!.. — закричал Петя и, не медля ни одной минуты, поскакал к тому месту, откуда слышались выстрелы и где гуще был пороховой дым. Послышался залп, провизжали пустые и во что-то плепнувшие пули. Казаки и Долохов вскакали вслед за Петей в ворота дома. Французы в колеблющемся густом дыме одни бросали оружие и выбегали из кустов навстречу казакам, другие бежали под гору к пруду. Петя скакал на своей лошади вдоль по барскому двору и, вместо того чтобы держать поводья, странно и быстро махал обеими руками и все дальше и дальше сбивался с седла на одну сторону. Лошадь, набежав на тлевший в утреннем свете костер, уперлась, и Петя тяжело упал на мокрую землю. Казаки видели, как быстро задержались его руки и ноги, несмотря на то, что голова его не шевелилась. Пуля пробила ему голову.

Переговоривши с старшим французским офицером, который вышел к нему из-за дома с платком на шпаге и объявил, что они сдаются, Долохов слез с лошади и подошел к неподвижно, с раскинутыми руками, лежавшему Пете.

– Готов, – сказал он, нахмурившись, и пошел в ворота, навстречу ехавшему к нему Денисову.

– Убит?! – вскрикнул Денисов, увидав еще издалека то знакомое ему, несомненно безжизненное положение, в котором лежало тело Пети.

– Готов, – повторил Долохов, как будто выговаривание этого слова доставляло ему удовольствие, и быстро пошел к пленным, которых окружили спешившиеся казаки. – Брать не будем! – крикнул он Денисову.

Денисов не отвечал; он подъехал к Пете, слез с лошади и дрожащими руками повернул к себе запачканное кровью и грязью, уже побледневшее лицо Пети.

“Я привик что-нибудь сладкое. Отличный изюм, берите весь”, – вспомнилось ему. И казаки с удивлением оглянулись на звуки, похожие на собачий лай, с которыми Денисов быстро отвернулся, подошел к плетню и схватился за него. [...]

СЛОВАРЬ

Эсаул

– в царской армия: казачий офицерский чин, равный капитану в пехоте, а также лицо в этом чине.

Кафтан

– русская старинная мужская долгополая верхняя одежда.

Припускать

– (разговорное) усилиться.

Бурка

– длинный (или до колен) мохнатый плащ из тонкого войлока.

Гусар

– в царской и некоторых иностранных армиях: военный из частей так называемой легкой кавалерии, носивший мундир особого фасона – венгерку.

Мундир

– военная или гражданская форменная одежда.

Попова

– покрывало для лошадей, собак и др., закрывающее спину и туловище.

Галоп

– бег, аллюр, при котором лошадь идет вскачь.

Нагайка

– короткая ременная плеть.

Панталоны

– (устаревшее) то же, что брюки.

Стремя

– железная дужка с ушком, подвешиваемая на ремне к седлу для упора ног всадника.

Скляфузанный

– застеснявшийся.

Высокоблагородие

– название титула, более высокого по степени.

Адъютант

– офицер, состоящий при военном начальнике для выполнения служебных поручений или для выполнения штабной работы.

Караулка

– караульное помещение.

Сопутствовать	– сопровождать.
Изволек	– (областное) отлогая возвышенность, пригорок с длинным подъемом.
Сажень	– русская мера длины, равная трем аршинам (2.13 м); количество чего-либо, измеряемое этой мерой.
Яровое (поле)	– 1) о злаках: яровые – засеваемые весной и созревающие летом или осенью в год посева; 2) поле, засеянное такими злаками.
Озябший	– замерзший.
Лощина	– долина с пологими склонами.
Трясина	– зыбкое, болотистое место.
Увязнуть (коней)	– допустить, чтобы лошади увязли в трясине.
Шельма, бестия	– (просторечное) мошенник, плут, пройдоха.
Пластун	– казак пеших казачьих частей.
Староста	– выборное или назначенное лицо для ведения дел какого-нибудь небольшого общества, коллектива.
Ведать	– (просторечное) знать.
Миродеры	– искаженное от слова "мародер" – тот, кто грабит население в районах военных действий, а также убитых и раненых на поле сражения, грабитель.
Блюсти	– беречь, охранять.
Оробеть	– испытать робость, испугаться, застесняться.
Исправлять (работу)	– здесь: выполнять работу.
Платье	– одежда, носимая поверх белья.
Кавалерия	– то же, что конница.
Мушкетон	– старинное оружие крупного калибра с фитильным замком.
Обух	– тупая сторона острого орудия, противоположная лезвию (обычно о топоре).
Колушки	– здесь: колышки.
Мереннина	– от слова "мерин" – кастрированный жеребец.
Чин	– служебный разряд у военных и гражданских служащих.
Оспа	– острозаразная болезнь, сопровождающаяся гнойной сыпью на коже и слизистых оболочках; язвы от гнойников, оставшиеся на коже.
Ладный	– (просторечное) хороший.
Негожающий	– (просторечное) негодный, непригодный, негодный, то есть плохой, не соответствующий, не подходящий по качеству.
Шпажка	– от слова "шпага" – колющее оружие с прямым длинным клинком.

Задавать стрелка	– стремительно убежать.
Несправный	– (просторечное) имеющий бедный, жалкий внешний вид.
Анаральский сын	– здесь: (просторечное) генеральский сын.
Серчать	– (просторечное) сердиться.
Позатемяет	– стемнеет.
Ординарец	– военнослужащий, состоящий при командире для служебных поручений, для передачи приказаний и т.п.
Производство в офицеры	– присвоение офицерского звания.
Сени	– в деревенских избах и в старину в городских домах: помещение между жилой частью дома и крыльцом.
Торба	– мешок, сума.
Ром	– род крепкого алкогольного напитка.
Маркитант	– в XVIII–XIX веках: торговец съестными припасами и напитками при армии.
Кремень	– очень твердый камень, первоначально употреблявшийся для высекания огня.
Давеча	– недавно, незадолго до момента разговора.
Страсть	– здесь: (просторечное) очень, крайне, чрезвычайно.
Образ	– здесь: то же, что икона.
Персы	– (устаревшее) персияне – народ, составляющий основное население Ирана.
Чопорный	– чрезмерно строгий в соблюдении правил приличий.
Ваточный	– здесь: с ватной прокладкой.
С Георгием в петлице	– то есть с орденом Святого Георгия – орден утвержден в России в 1769 г. для награждения офицеров и генералов за военные отличия; в 1807 г. – для награждения солдат и унтер-офицеров; имел 4 степени; еще называется Георгиевский крест.
Петлица	– обметанная или нашитая петля в верхней одежде.
Фура	– здесь: большая длинная (обычно крытая) телега.
Верста	– русская мера длины, равная 1.06 км.
Внимать	– услышать, отнестись к чему-либо со вниманием.
Фуга	– последовательное повторение одной музыкальной темы несколькими голосами.
Распластать	– здесь: разрубить.
Шашка	– рубящее ручное холодное оружие со слегка изогнутым клинком.

Ножины	– футляр для вкладывания шпаги, сабли, кинжала.
Озноб	– дрожь при лихорадке, болезненное ощущение холода.
Подпруга	– широкий ремень седла или седелки, затягиваемый под брюхом у лошади.
Поводья	– ремни узда, которыми правят лошадей.
Плеть	– взгородь из сплетенных прутьев и ветвей.

ЗАДАНИЯ

1. Прочитай афоризмы.

Важно не то, долго ли, а правильно ли ты прожил.

Сенека Младший

От войны нельзя ждать никаких благ.

Вергилий

В
Ы
Б
Е
Р
И

Какое из этих изречений можно было бы использовать, характеризуя поведение Пети Ростова?

2. Дома. Из текста мы довольно много узнали о чувствах Пети. И совсем мало – о чувствах француза-барабанщика. Представь себе переживания маленького пленника и опиши их.

3. Найди в тексте и прочитай описание внешности Денисова, Долохова и Тихона Щербатого. Основное выпиши в тетрадь.

4. Дома. Напиши о том из взрослых персонажей этого отрывка, который привлек тебя более всего. Объясни свой выбор.

5. Прочитай афоризмы:

Смерть – зло для всех.

И. Гёте

Все на свете можно исправить, кроме смерти.

М. Сервантес

Если ты ценишь свою жизнь, то помни, что и другие не меньше ценят свою.

Еврипид

Некоторые неписанные законы тверже писаных.

Сенека

Нравственные качества справедливого человека вполне заменяют законы.

Менандр

В
Ы
Б
Е
Р
И

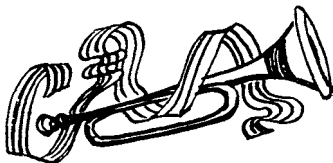
Подумай, какой из них мог бы стать своеобразным выводом к нашим раздумьям над страницами романа Л.Н. Толстого “Война и мир”. Обсуди свое решение с соседом (соседкой) по парте. Если есть противоречие, постарайтесь убедить друг друга. Придите к общему мнению. Познакомьте с ним класс.

6. Представь, что у тебя появилась возможность написать письмо

- президентам воюющих стран;
- их внукам;
- их родителям.

Кому из них ты написал бы письмо? Почему? Напиши такое письмо, взяв в свои союзники мысли, которые пробудил в тебе Толстой.

Денис Давыдов

1812 ГОД

ОТРЫВОК ИЗ ДНЕВНИКА

...Я уже давно слышал о варварстве Александра Самойловича Фигнера, но не мог верить, чтобы оно простиралось до убийства врагов безоружных, особенно в такое время, когда обстоятельства отечества стали исправляться и, казалось, никакое низкое чувство, еще менее мщение, не имело места в сердцах, исполненных сильнеею и совершеннейшею радостью! Но едва он узнал о моих пленных, как бросился просить меня, чтобы я позволил *растерзать* их каким-то новым казакам его, которые, как говорил он, еще не *на-травлены*. Не могу выразить, что почувствовал я при противоположности слов сих с крася-

выми чертами лица Фигнера и взором его – добрым и приятным! Но когда вспомнил превосходные военные дарования его, отважность, предприимчивость, деятельность – все качества, составляющие необыкновенного воина, – я с сожалением сказал ему: “Не лишай меня, Александр Самойлович, заблуждения. Оставь меня думать, что великодушные есть душа твоих дарований; без него они – вред, а не польза, а как русскому, мне бы хотелось, чтобы у нас полезных людей было побольше”.

Он на это сказал мне: “Разве ты не расстреливаешь?” – “Да, – говорил я, – расстреливал двух изменников отечеству, из коих один был грабитель храма божия”. – “Ты, верно, расстреливал и пленных?” – “Боже меня сохрани! Хотя вели тайно разведать у казаков моих”. – “Ну, так походим вместе, – он отвечал мне, – тогда ты покинешь все предрассудки”. – “Если солдацкая честь и сострадание к несчастно – предрассудки, то их предпочитаю твоему рассудку! Послушай, Александр Самойлович, – продолжал я. – Я прощаю смертоубийству, коему причина – заблуждение сердца огненного; возмездие души, гордой за презрение, оказанное ей некогда спесивой ничтожностью; лишняя страсть к благу общему, часто вредная, но очаровательная в великодушии своем! И пока вижу в человеке возвышенность чувств, увлекающих его на подвиги отважные, безрассудные и даже бесчеловечные, – я подаю руку сему благородному чудовищу и готов делить с ним мнение людей, хотя бы чести его приговор написан был в сердцах всего человечества! Но презираю убийцу по расчетам или по врожденной склонности к разрушению”.

Мы замолчали. Однако, опасаясь, чтобы он не велел похитить ночью пленных моих, я, под предлогом отдавать приказания партии, вышел из избы, удвоил секретно стражу, поручил сохранение их на ответственность урядника, за ними надзиравшего, и отослал их рано поутру в главную квартиру.

Мы часто говорим о Фигнере – сем странном человеке, проложившем кровавый путь среди людей, как метеор всеразрушающий. Я не могу постичь причину алчности его к смертоубийству! Еще если бы он обращался к оному в критических обстоятельствах, то есть посреди неприятельских корпусов, отрезанный и теснимый противными отрядами и в невозможности доставить взятых им пленных в армию. Но он обыкновенно предавал их смерти не во время опасности, а освобождаясь уже от оной; [...] ...такое поведение вскоре лишило его лучших офицеров, вначале к нему привлеченных.

СЛОВАРЬ

Варварство	– грубость, дикость нравов, невежественное отношение к культурным ценностям.
Натравить	– побудить к преследованию, к нападению.
Сих (сей)	– употребляется в некоторых выражениях в значения <i>эти (этом)</i> .
Предприимчивый	– умеющий предпринять что-нибудь в нужный момент, находчивый, изобретательный.
Предрассудок	– ставший привычным ложный взгляд на что-нибудь.
Заблуждение	– ошибочное, неправильное мнение.
Ков	– которые.

Возмездие	– здесь: плата, кара за преступление, за зло.
Спесивый	– надменный, высокомерный.
Партия	– группа лиц, объединенных какими-либо общими интересами, а также собравшихся для собрания с какой-нибудь целью.
Корпус	– крупное войсковое соединение.
Урядник	– в царской армии: казачий унтер-офицер.
Надзирать	– наблюдать с целью присмотра, проверки.
Квартира	– здесь: место расположения войск.
Оный	– тот самый, вышеупомянутый.
Алчность	– жадность, корыстолюбие.
Теснить	– здесь: наступая, заставляя отходить.
Приверженный	– преданный кому-нибудь, целиком отдающийся чему-нибудь.

ЗАДАНИЯ

1. Познакомься с афоризмами:

Где орут барабаны, там молчат законы.

Т. Фуллер

Совість – внутрішній компас, чутко реагуючий на всяке відхилення від правильного курсу життя.

И. Шевелев

Для кого из участников спора “оружие барабаны” заглушают голос нравственного закона? У кого из участников спора есть “внутренний компас” – совесть? Почему ты так решил(а)?

2. Напиши о том, какими правами, по твоему мнению, должны обладать люди, оказавшиеся в плену.

Федор Глинка

ПОСЛЕДНЕЕ УНИЧТОЖЕНИЕ НА БОРОДИНСКОМ ПОЛЕ

К исходу 1812 года, когда леса и дороги литовские засорены были тысячами замерзших трупов неприятельских, Москва уже стряхивала пепел с седых кудрей своих, и селения по разоренной (так называли в то время Смоленскую дорогу) дороге начинали люднеть и оправляться. Возвратившиеся из засад лесных крестьяне торопились обзаводиться вновь, исправляя по-русски, как-нибудь свои запустелые избы – длинные ветви елей, называемые лапами, и связки соломы служили на первый раз для составления временных защит, загородок, пристенок и скородельных заборов. Мужики можайские оправили свои деревенские

бани, свои черные беструбные печи, сходили в приходскую церковь, наварили браги, стали печь блины, поминая и родителей, и усопшую братию, зажили на авось, по-старинному, как будто француз и не ходил под Москву! Но армия французская еще лежала все там же, на Бородинском поле, все также без погребения! По Смоленской и польским дорогам целые войска скелетов тянулись на запад. Ужасно было состояние отступающей армии! Целые селения вымирали от заразных болезней, возникших по следам бегущих из России народов Европы. Правительство озабочилось освободить поля русские от трупов, которые, без сомнения, удвоили бы заразу, если б их оставили до теплых весенних дней. И вот в одну ночь, в одну длинную морозную ночь небо над застывшим полем Бородинским окатилось красным заревом. Жители Валуева, Ратова, Беззубова, Рыкачева, Ельни и самого Бородина, предупрежденные повесткою от земского суда, выползли из своих соломенных нор и, с длинными шестами, топорами и вилами, отправились на поле Бородинское, где уже работали крестьяне околных волостей.

Длинные ряды костров из сухого хвороста и смольчатых дров трещали на берегах Стонца, Огника и Колочи. Люди с почерневшими от копоти лицами, в грязных лохмотьях, с огромными крючьями, валили без разбора тела убиенных на эти огромные костры. И горели эти тела, и густые облака тучного беловатого дыма носились над полем Бородинским. На тех кострах горели кости уроженцев счастливых стран, Лангедока и Прованса, кости потомков древних французских рыцарей, старинных князей, новых графов и генералов новой империи французской, потомков древних феодалов, сильных баронов германских, кости гренадер, егерей и мушкетеров французских и железных людей Наполеоновых. И горели, прогорали и разрушались кости вооруженных орд двадцати народов нашествия! Горели кости людей, которых возврата на родину, в благовонные рощи Италии, на цветущие долины Андалузии, так нетерпеливо ожидали отцы и матери в великолепных замках и невесты у брачного алтаря!

Вековые титулы, отличия, порода, знатность – все горело! И ужели не было существа, которое бы уронило слезу любви на эти кости врагов и соплеменников?

Но вот, под заревом пожара небывалого, при блеске костров, являются два лица на поле Бородинском. То была женщина, стройная, величавая, то был отшельник, облаченный в схиму. Оба в черных траурных одеждах. У нее блестит на груди крест, на нем везде видны символы смерти – изображения черепа и костей адамовых. Между костров огненных, по берегам молчащего Огника идут они, молчаливые, ночью, под бурею. Она с запахом своих слез; он с фиалом святой воды и кропильницею. И плачет и молится жена, и молится и кропит водою жизни смиренный отшельник, живой мертвец, тех мертвецов безжизненных. И вот чьи слезы, чьи благословения, под ризою черной осенней ночи, под бурею, раздувающею костры, падают в дальний, безвестный путь тех потомков древних рыцарей, тех генералов и герцогов, тех великанов нашего времени, которые, по какому-то непонятному, обаятельному действию исполинской воли чародея, пришли с своими войсками, с своими колоннами, чтоб положить кости на русской земле и предать те кости на пищу русскому огню, и отдать пепел тех костей на рассеяние ветрам подмосковным. И тот отшельник, схимник соседственного монастыря, и та женщина, вдова генерала Тучкова, среди исполнителей обязанности общественной были единственными представителями любви [...]. [...]

И горели кости князей и герцогов и остатки эскадронов и обломки оружия с зари вечерней до утренней, и солнце застало поле Бородинское поседевшим от пепла костей человеческих.

Прошла зима. Теплые весенние дожди напоили окрестности Можайска, и высоко росли травы и прозябения на местах великого побоища. Поселяне говорили между собою: “Земля наша стала сыта!” А чиновники местной полиции, сверяя донесения сотских, сельских старост и волостных писарей, выводили валовый итог:

“1812-го года, декабря 3-го, всех человеческих и конских трупов на Бородинском поле сожжено:

девяносто три тысячи девятьсот девяносто девять”.

СЛОВАРЬ

Оправиться	– здесь: прийти в прежнее, нормальное состояние после бедствия, болезни, поражения и т.п.
Пристенок	– пристройка к деревенскому дому.
Приходской	– от слова “приход” – община верующих, принадлежащих к одной церкви.
Брага	– род домашнего пива.
Усопший	– умерший.
Братия	– компания, содружество.
На авось	– (разговорное) делать что-нибудь в надежде на случайную удачу.
Предупеждаемый	– (устаревшее) предупрежденный, извещенный.
Повестка	– письменное официальное извещение с вызовом, приглашением куда-нибудь.
Земский	– от слова “земство” – в России до революции 1917 года: местное самоуправление в сельских местностях с преобладанием дворянства в его органах.
Окольный	– расположенный в стороне от кратчайшего пути, направления.
Волость	– административно-территориальная единица, подразделение уезда в сельских областях России.
Хворост	– сухие опавшие ветви деревьев, высохшие тонкие сучья или стволы.
Копоть	– сажка, оседающая слоем на поверхности чего-нибудь.
Уроженец	– человек родом откуда-то.
Лангедок	– историческая область на юге Франции.
Прованс	– историческая провинция на юго-востоке Франции, в Альпах, у Средиземного моря.
Феодал	– при феодализме: землевладелец, эксплуатирующий труд крепостных крестьян.

Гренадер	– в царской армии: военнослужащий некоторых привилегированных полков (так называемых гренадерских).
Егерь	– солдат особых стрелковых (егерских) полков в некоторых армиях.
Мушкетер	– солдат, вооруженный мушкетом.
Орда	– здесь: толпа, скопище, банда.
Благоговение	– (устаревшее) ароматические вещества.
Авдалузия	– историческая область на юге Испании.
Алтарь	– главная, восточная часть церкви.
Схима	– высшая монашеская степень, требующая от посвященного выполнения суровых (аскетических) правил.
Символ	– то, что служит условным знаком какого-нибудь понятия, чего-нибудь отвлеченного.
Фиал	– (поэтическое) чаша, кубок.
Кропильница	– сосуд для воды, в который обмакивают кропило.
Кропило	– (церковное) пушистая кисть для окропления водой.
Отшельник	– (устаревшее) аскет, монах, отказавшийся от общения с людьми, внешним миром
Риза	– облачение, одежда священника для богослужения.
Прозябенне	– от слова “зябь” – поле, вспаханное с осени для посева яровых.
Поселяне	– (устаревшее) крестьяне.
Сотский	– в царской России: крестьянин, назначавшийся в помощь сельской полиции.
Писарь	– должностное лицо для переписки и составления канцелярских бумаг.
Валовый итог	– общий итог, сколько всего.

ЗАДАНИЕ

Дома. Как лично ты относишься к поступку вдовы генерала Тучкова? Дай развернутый письменный ответ.

Александр Куприн

ЧУДЕСНЫЙ ДОКТОР

Следующий рассказ не есть плод досужего вымысла. Все описанное мною действительно произошло в Киеве лет около тридцати тому назад и до сих пор свято, до мельчайших подробностей, сохраняется в преданиях того семейства, о котором пойдет речь. Я, с своей стороны, лишь изменил имена некоторых действующих лиц этой трогательной истории да придал устному рассказу письменную форму.

— Гриш, а Гриш! Гляди-ка, поросенок-то... Смеется... Да-а. А во рту-то у него!.. Смотри, смотри... травка во рту, ей-богу, травка!.. Вот штука-то!

И двое мальчуганов, стоящих перед огромным, из цельного стекла, окном гастрономического магазина, принялись неудержимо хохотать, толкая друг друга в бок локтями, но невольно прилипая к жестокой стужи. Они уже более пяти минут торчали перед этой великолепной выставкой, возбуждавшей в одинаковой степени их умы и желудки. Здесь, освещенные ярким светом висящих ламп, возвышались целые горы красных крепких яблоков и апельсинов; стояли правильные пирамиды мандаринов, нежно золотившихся сквозь окутывающую их папирсную бумагу; протянулись на блюдах, уродливо разинув рты и выпучив глаза, огромные копченые и маринованные рыбы; ниже, окруженные гирляндами колбас, красовались сочные разрезанные окорока с толстым слоем розоватого сала... Бесчисленное множество баночек и корбочек с солеными, вареными и копчеными закусками довершало эту эффектную картину, глядя на которую оба мальчика на минуту забыли о двенадцатиградусном морозе и о важном поручении, возложенном на них матерью, – поручении, окончившемся так неожиданно и так плачевно.

Старший мальчик первый оторвался от созерцания очаровательного зрелища. Он дернул брата за рукав и произнес сурово:

– Ну, Володя, идем, идем... Нечего тут...

Одновременно подавив тяжелый вздох (старшему из них было только десять лет, и к тому же оба с утра ничего не ели, кроме пустых щей) и кинув последний влюбленно-жадный взгляд на гастрономическую выставку, мальчуганы торопливо побежали по улице. Иногда сквоззз запотевшие окна какого-нибудь дома они видели елку, которая издали казалась громадной гроздьей ярких, сияющих пятен, иногда они слышали даже звуки веселой польки... Но они мужественно гнали от себя прочь соблазнительную мысль: остановиться на несколько секунд и прильнуть глазком к стеклу.

По мере того как шли мальчики, все малолюднее и темнее становились улицы. Прекрасные магазины, сияющие елки, рысаки, мчавшиеся под своими синими и красными сетками, визг полозьев, праздничное оживление толпы, веселый гул окриков и разговоров, разрумяненные морозом смеющиеся лица нарядных дам – все осталось позади. Потянулись пустыри, кривые, узкие переулки, мрачные, неосвещенные косогоры... Наконец они достигли покосившегося ветхого дома, стоявшего особняком; низ его – собственно подвал – был каменный, а верх – деревянный. Обойдя тесным, обледелым и грязным двором, служившим для всех жильцов естественной помойной ямой, они спустились вниз, в подвал, прошли в темноте общим коридором, отыскивали ощупью свою дверь и открыли ее.

Уже более года жили Мердаловы в этом подземелье. Оба мальчугана давно успели привыкнуть и к этим закоптелым, плачущим от сырости стенам, и к мокрым отрезкам, сущившимся на протянутой через комнату веревке, и к этому ужасному запаху керосинового чада, детского грязного белья и крыс – настоящему запаху нищеты. Но сегодня, после всего, что они видели на улице, после этого праздничного ликования, которое они чувствовали повсюду, их маленькие детские сердца сжались от острого, не детского страдания. В углу, на грязной широкой постели, лежала девочка лет семи; ее лицо горело, дыхание было коротко и затруднительно, широко раскрытые блестящие глаза смотрели пристально и бесцельно. Рядом с постелью, в люлке, привешенной к потолку, кричал, морщась, надрываясь и захлебываясь, грудной ребенок. Высокая, худая женщина, с изможденным, усталым, точно

почерневшим от горя лицом, стояла на коленях около больной девочки, поправляя ей подушку и в то же время не забывая подталкивать локтем качающуюся колыбель. Когда мальчики вошли и следом за ними стремительно ворвались в подвал белые клубы морозного воздуха – женщина обернула назад свое встревоженное лицо.

– Ну? Что же? – спросила она отрывисто и нетерпеливо.

Мальчики молчали. Только Гриша шумно вытер нос рукавом своего пальто, переданного из старого ватного халата.

– Отнесли вы письмо?... Гриша, я тебя спрашиваю, отдал ты письмо?

– Отдал, – силным от мороза голосом ответил Гриша.

– Ну, и что же? Что ты ему сказал?

– Да все, как ты учила. Вот, говорю, от Мерцалова письмо, от вашего бывшего управляющего. А он нас обругал: “Убирайтесь вы, говорит, отсюда... Сволочи вы...”

– Да кто же это? Кто же с вами разговаривал?.. Говори толком, Гриша!

– Швейцар разговаривал... Кто же еще? Я ему говорю: “Возьмите, дяденька, письмо, передайте, а я здесь внизу ответа подожду”. А он говорит: “Как же, говорит, держи карман... Есть тоже у барина время ваши письма читать...”

– Ну, а ты?

– Я ему все, как ты учила, сказал: “Есть, мол, нечего... Машутка больна... Помирает...” Говорю: “Как папа место найдет, так отблагодарит вас, Савелий Петрович, ей-богу, отблагодарит”. Ну, а в это время звонок как зазвонит, как зазвонит, а он нам и говорит: “Убирайтесь скорее отсюда к черту! Чтобы духу вашего здесь не было!..” А Володьку даже по затылку ударил.

– А меня он по затылку, – сказал Володя, следивший со вниманием за рассказом брата, и почесал затылок.

Старший мальчик вдруг принялся озабоченно рыться в глубоких карманах своего халата. Вытащив, наконец, оттуда измятый конверт, он положил его на стол и сказал:

– Вот оно, письмо-то...

Больше мать не расспрашивала. Долгое время в душной, промозглой комнате слышался только неистовый крик младенца да короткое, частое дыхание Машутки, больше похожее на непрерывные однообразные стоны. Вдруг мать сказала, обернувшись назад:

– Там борщ есть, от обеда остался... Может, поели бы? Только холодный – разогреть-то нечем...

В это время в коридоре слышались чьи-то неуверенные шаги и шуршание руки, отыскивающей в темноте дверь. Мать и оба мальчика – все трое даже поблуднев от напряженного ожидания – обернулись в эту сторону.

Вошел Мерцалов. Он был в летнем пальто, летней войлочной шляпе и без калош. Его руки взбухли и посинели от мороза, глаза провалились, щеки облипли вокруг десен, точно у мертвеца. Он не сказал жене ни одного слова, она ему не задала ни одного вопроса. Они поняли друг друга по тому отчаянию, которое прочли друг у друга в глазах.

В этот ужасный роковой год несчастье за несчастьем настойчиво и безжалостно сыпались на Мерцалова и его семью. Сначала он сам заболел брюшным тифом, и на его лечение ушли все их скудные сбережения. Потом, когда он поправился, он узнал, что его место, скромное место управляющего домом на двадцать пять рублей в месяц, занято уже другим... Началась отчаянная, судорожная погоня за случайной работой, за перепиской, за ничтожным местом, залог и перезалог вещей, продажа всякого хозяйственного тряпья. А тут еще пошли болеть дети. Три месяца тому назад умерла одна девочка, теперь другая лежит в жару и без сознания. Елизавете Ивановне приходилось одновременно ухаживать за больной

девочкой, кормить грудью маленького и ходить почти на другой конец города в дом, где она поеденно стирала белье.

Весь сегодняшний день был занят тем, чтобы посредством нечеловеческих усилий выжать откуда-нибудь хоть несколько копеек на лекарство Машутке. С этой целью Мерцалов обегал чуть ли не полгорода, кланяча и унижаясь повсюду; Елизавета Ивановна ходила к своей барыне, дети были посланы с письмом к тому барину, домом которого управлял раньше Мерцалов... Но все отговаривались или праздничными хлопотами, или неимением денег... Иные, как, например, швейцар бывшего патрона, просто-напросто гнали просителей с крыльца.

Минут десять никто не мог произнести ни слова. Вдруг Мерцалов быстро поднялся с сундука, на котором он до сих пор сидел, и решительным движением надвинул глубже на лоб свою истрепанную шляпу.

– Куда ты? – тревожно спросила Елизавета Ивановна.

Мерцалов, взявшийся уже за ручку двери, обернулся.

– Все равно, сидением ничего не поможешь, – хрипло ответил он. – Пойду еще... Хотя милостыню попробую просить.

Выйдя на улицу, он пошел бесцельно вперед. Он ничего не искал, ни на что не надеялся. Он давно уже пережил то жгучее время бедности, когда мечтаешь найти на улице бумажник с деньгами или получить внезапно наследство от неизвестного троюродного дядюшки. Теперь им овладело неудержимое желание бежать куда подало, бежать без оглядки, чтобы только не видеть молчаливого отчаяния голодной семьи.

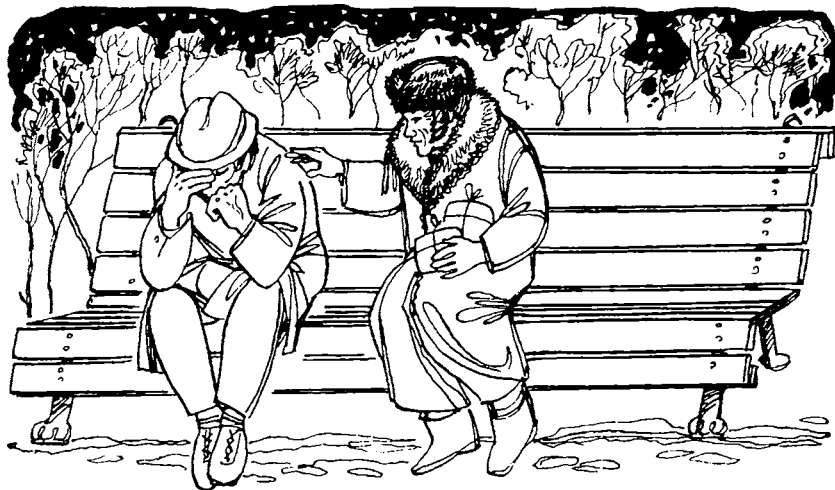
Просить милостыни? Он уже попробовал это средство сегодня два раза. Но в первый раз какой-то господин в енотовой шубе прочел ему наставление, что надо работать, а не кланяться, а во второй – его обещали отправить в полицию.

Незаметно для себя Мерцалов очутился в центре города, у ограды густого общественного сада. Так как ему пришлось все время идти в гору, то он запыхался и почувствовал усталость. Машинально он свернул в калитку и, пройдя длинную аллею лип, занесенных снегом, опустился на низкую садовую скамейку.

Тут было тихо и торжественно. Деревья, окутанные в свои белые ризы, дремали в неподвижном величии. Иногда с верхней ветки срывался кусочек снега, и слышно было, как он шуршал, падая и цепляясь за другие ветви. Глубокая тишина и великое спокойствие, сторожившие сад, вдруг пробудили в истерзанной душе Мерцалова нестерпимую жажду такого же спокойствия, такой же тишины.

“Вот лечь бы и заснуть, – думал он, – и забыть о жене, о голодных детях, о больной Машутке”. Просунув руку под жилет, Мерцалов нащупал довольно толстую веревку, служившую ему поясом. Мысль о самоубийстве совершенно ясно встала в его голове. Но он не ужался этой мыслью, ни на мгновение не содрогнулся перед мраком неизвестного.

“Чем погибать медленно, так не лучше ли избрать более краткий путь?” Он уже хотел встать, чтобы исполнить свое страшное намерение, но в это время в конце аллеи послышался скрип шагов, отчетливо раздавшийся в морозном воздухе. Мерцалов с озлоблением обернулся в эту сторону. Кто-то шел по аллее. Сначала был виден огонек то вспыхиваю-

щей, то потухавшей сигары. Потом Мерцалов мало-помалу мог разглядеть старика небольшого роста, в теплой шапке, меховом пальто и высоких калошах. Поравнявшись со скамейкой, незнакомец вдруг круто повернул в сторону Мерцалова и, слегка дотрагиваясь до шапки, спросил:

– Вы позволите здесь присесть?

Мерцалов умышленно резко отвернулся от незнакомца и подвинулся к краю скамейки. Минут пять прошло в обоюдном молчании, в продолжение которого незнакомец курил сигару и (Мерцалов это чувствовал) искоса наблюдал за своим соседом.

– Ночка-то какая славная, – заговорил вдруг незнакомец. – Морозно... тихо. Что за прелесть – русская зима!

Голос у него был мягкий, ласковый, старческий. Мерцалов молчал, не оборачиваясь.

– А я вот ребятишкам знакомым подарочки купил, – продолжал незнакомец (в руках у него было несколько свертков). – Да вот по дороге не утерпел, сделал круг, чтобы садом пройти: очень уж здесь хорошо.

Мерцалов вообще был кротким и застенчивым человеком, но при последних словах незнакомца его охватил вдруг прилив отчаянной злобы. Он резким движением повернулся в сторону старика и закричал, нелепо размахивая руками и задышавшись:

– Подарочки!.. Подарочки!.. Знакомым ребятишкам подарочки!.. А я... а у меня, милостивый государь, в настоящую минуту мои ребятишки с голоду дома подыхают... Подарочки!.. А у жены молоко пропало, и грудной ребенок целый день не ел... Подарочки!..

Мерцалов ожидал, что после этих беспорядочных, озлобленных криков старик поднимется и уйдет, но он ошибся. Старик приблизил к нему свое умное, серьезное лицо с седыми баками и сказал дружелюбно, но серьезным тоном:

– Подождите... не волнуйтесь! Расскажите мне все по порядку и как можно короче. Может быть, вместе мы придумаем что-нибудь для вас.

В необыкновенном лице незнакомца было что-то до того спокойное и внушающее доверие, что Мерцалов тотчас же без малейшей утайки, но страшно волнуясь и спеша, передал свою историю. Он рассказал о своей болезни, о потере места, о смерти ребенка, обо всех своих несчастьях, вплоть до нынешнего дня. Незнакомец слушал, не переставая его ни словом, и только все пытливее и пристальнее заглядывал в его глаза, точно желая проникнуть в самую глубь этой наболевшей, возмущенной души. Вдруг он быстрым, совсем юношеским движением вскочил с своего места и схватил Мерцалова за руку. Мерцалов невольно тоже встал.

– Едемте! – сказал незнакомец, увлекая за руку Мерцалова. – Едемте скорее!.. Счастье ваше, что вы встретились с врачом. Я, конечно, ни за что не могу ручаться, но... поедемте!

Минут через десять Мерцалов и доктор уже входили в подвал. Елизавета Ивановна лежала на постели рядом со своей больной дочерью, зарывшись лицом в грязные, замаслившиеся подушки. Мальчишки хлебали борщ, сидя на тех же местах. Испуганные долгим отсутствием отца и неподвижностью матери, они плакали, размазывая слезы по лицу грязными кулаками и обильно проливая их в закопченный чугун. Войдя в комнату, доктор скинул с себя пальто и, оставшись в старомодном, довольно поношенном сюртуке, подошел к Елизавете Ивановне. Она даже не подняла головы при его приближении.

– Ну, полно, полно, голубушка, – заговорил доктор, ласково погладив женщину по спине. – Вставайте-ка! Покажите мне вашу больную.

И точно так же, как недавно в саду, что-то ласковое и убедительное, звучавшее в его голосе, заставило Елизавету Ивановну мигом подняться с постели и беспрекословно исполнить все, что говорил доктор. Через две минуты Гришка уже растапливал печку дровами, за которыми чудесный доктор послал к соседям, Володя раздувал изо всех сил самовар, Елизавета Ивановна обворачивала Машутку согревающим компрессом... Немного погодя явился и Мерцалов. На три рубля, полученные от доктора, он успел купить за это время чаю, сахару, булок и достать в ближайшем трактире горячей пищи. Доктор сидел за столом и что-то писал на клочке бумажки, который он вырвал из записной книжки. Окончив это занятие и изобразив внизу какой-то своеобразный крючок вместо подписи, он встал, прикрыв написанное чайным блудечком и сказал:

– Вот с этой бумажкой вы пойдете в аптеку... давайте через два часа по чайной ложке. Это вызовет у малышки отхаркивание... Продолжайте согревающий компресс... Кроме того, хотя бы вашей дочери и сделалось лучше, во всяком случае пригласите завтра доктора Афросимова. Это дельный врач и хороший человек. Я его сейчас же предупрежу. Затем

прошайте, господи! Дай бог, чтобы наступающий год немного снисходительнее отнесся к вам, чем этот, а главное – не падайте никогда духом.

Пожав руки Мерцалову и Елизавете Ивановне, все еще не оправившимся от изумления, и потрепав мимоходом по щеке разинувшего рот Володю, доктор быстро всунул свои ноги в глубокие калоши и надел пальто. Мерцалов опомнился только тогда, когда доктор уже был в коридоре, и кинулся вслед за ним.

Так как в темноте нельзя было ничего разобрать, то Мерцалов закричал наугад:

– Доктор! Доктор, постойте!.. Скажите мне ваше имя, доктор! Пусть хоть мои дети будут за вас молиться!

И он вошел в воздухе руками, чтобы поймать невидимого доктора. Но в это время в другом конце коридора спокойный старческий голос произнес:

– Э! Вот еще пустяки выдумали!.. Возвращайтесь-ка домой скорей!

Когда он возвратился, его ожидал сюрприз: под чайным блюдцем вместе с рецептом чудесного доктора лежало несколько крупных кредитных билетов...

В тот же вечер Мерцалов узнал и фамилию своего неожиданного благодетеля. На аптечном ярлыке, прикрепленном к пузырьку с лекарством, четкою рукою аптекаря было написано: "По рецепту профессора Пирогова".

Я слышал этот рассказ, и неоднократно, из уст самого Григория Емельяновича Мерцалова – того самого Гришки, который в описанный мною сочельник проливал слезы в закомпелый чугунок с пустым борщом. Теперь он занимает довольно крупный, ответственный пост в одном из банков, сливая образцом честности и отзывчивости на нужды бедности. И каждый раз, заканчивая свое повествование о чудесном докторе, он прибавляет голосом, дрожащим от скрываемых слез:

– С этих пор точно благодетельный ангел снизошел в нашу семью. Все переменялось. В начале января отец отыскал место, Машутка встала на ноги, меня с братом удалось пристроить в гимназию на казенный счет. Просто чудо совершил этот святой человек. А мы нашего чудесного доктора только раз видели с тех пор – это когда его перевозили мертвого в его собственное имяние Вишню. Да и то не его видели, потому что то великое, мощное и святое, что жило и горело в чудесном докторе при его жизни, угасло невосвратимо.

СЛОВАРЬ

Досужий (вымысел)

– появившийся от безделья (от слова "досуг" – свободное время или развлечение).

Предания

– легенды, переходящие от поколения к поколению, рассказы о былом.

Плечевно

– здесь: безрезультатно.

Пустые щи

– щи, сваренные на воде, а не на мясном бульоне.

Полозья (полоз)

– гладкий, скользящий, загнутый спереди брус, пластина.

Изможденный

– крайне изнуренный, утомленный.

Управляющий	– человек, который ведет дела какого-либо хозяйства, учреждения, предприятия.
Швейцар	– сторож при подъездах жилых домов, гостиниц, учреждений.
Роковой	– 1) (устаревшее) приносящий горе, как бы predetermined судьбой, роком; 2) решающий, определяющий дальнейшее; 3) имеющий тяжелые или гибельные последствия.
Патрон	– здесь: хозяин, начальник.
Зарабатывать перепиской	– то есть зарабатывать переписыванием, копированием документов или других важных бумаг.
Залог	– отдача имущества другому лицу в ситуации, когда человеку на время нужны деньги, и он рассчитывает, отдав долг, вернуть это имущество себе.
Поденная работа	– работа, для выполнения которой человека нанимают только на один день.
Риза	– облачение, одежда священника для богослужения.
Сюртук	– мужская двубортная одежда в талию с длинными полами.
Трактир	– (устаревшее) первоначально гостиница с рестораном, позднее – ресторан низшего разряда.
Ярлык	– 1) в XIII–XV вв. на Руси: грамота, письменный указ ханов Золотой Орды; 2) листок на чем-нибудь с наименованием, клеймом, какими-нибудь специальными сведениями; 3) шаблонная, стандартная (обычно отрицательная), очень краткая характеристика, оценка кого(чего)-нибудь.
Сочельник	– (устаревшее) канун церковных праздников Рождества и Крещения.
Слыть	– быть известным в качестве кого(чего)-нибудь.

ЗАДАНИЯ

 1. Дай развернутый письменный ответ на вопрос.

Можно ли помочь семье Мерцаловых, и каким тебе представляется выход из этой ситуации?

2. Дома. Подготовь ответ на вопрос.

Почему о несчастьях семьи Мерцаловых мы узнаем лишь в середине рассказа?

3. Познакомься с ответами на вопросы, которые возникли у твоих сверстников после чтения рассказа.

Почему незнакомец в парке подсел на скамейку к Мерцалову? Почему не испугался “беспорядочных, озлобленных криков”? Почему старался “проникнуть в самую глубь этой наболевшей, возмущенной души”?

Отвечали на эти вопросы ребята по-разному:

- Незнакомец был врачом, ему было интересно заниматься с больными людьми.
- Он просто, когда учился, давал клятву Гипократа (обязательство оказывать помощь больному) и поэтому должен был обязательно помогать любому больному.
- Пирогов испытывал сострадание к тем, кому на самом деле было плохо, не только физически, но и душевно. Ведь Мерцалов – не болен: он оказался в безвыходной ситуации.

А как считаешь ты? Какой из ответов тебе ближе? Есть ли у тебя свое объяснение? Выясни позицию соседа (соседки) по парте. Познакомь нас с его (ее) точкой зрения. Если ты не согласен(на) с этим ответом, попробуй доказательно возразить.

4. Познакомься с афоризмами. Какой из них может служить своеобразным итогом наших раздумий над рассказом Куприна?

Порой нам снится то, что в жизни невозможно, а жизнь преподносит то, что и не снилось.

И. Шевелев

Не успокаиваться в случае удачи, не приходить в отчаяние в беде.

Сенека

Во всех случаях лучше надеяться, чем отчаиваться.

И. Гёте

5. Дома. Напиши сочинение на одну из тем:

- 1) Можно ли согласиться со словами Григория Мерцалова, что "...то великое, мощное и святое, что жило и горело в чудесном докторе при его жизни, угасло невозвратно"?
- 2) Надо ли в сегодняшней нашей жизни следовать совету Пирогова: "...главное – не падайте никогда духом"?
- 3) В какие чудеса следует верить людям?

Евгений Носов

ТРУДНЫЙ ХЛЕБ

Ходит по лесу осень, развешивает по кустам и травам хрустальные сети паутины, убирает в золото осинки и березки. Первые палые листья запестрели на влажных дорогах, на тихих потемневших водах речных заливов.

Уже давно оставила родную рощу звонкоголосая иволга. Вслед за ней улетели ласточки. Их глубокие норы темнеют в опустевшем береговом обрыве.

А вчера на глухой лесной плес за деревней Гуторова опустилась пара крохалей – пролетные гости с далекого севера. На другой день, когда я снова пришел на этот плес, крохали не улетели. Погода не торопила их на юг.

Мое соседство их несколько не смущало. Видать, мало имели они встреч с человеком. Не то что наша дикая утка. Редко по какой из них не палили из ружья.

И вдруг совсем рядом из кустов: “Трах-бабах!..” Поперек реки побежали вспененные доробки одна за другой две дорожки.

Крохаль, что плыл первым, сверкнул белой подкладкой крыльев, торопливо снялся и полетел над рекой. Второй даже не вздрогнул. Он только почему-то окунул голову в воду да так и поплыл вниз по течению.

В прибрежном ситнике захлюпала вода. Показалась вислюхая голова спаниеля с белой пролысиной на лбу. Собака на миг остановилась, повела носом и вошла в реку. Она плыла легко и быстро, почти наполовину высунувшись из воды.

Вскоре спаниель был уже на том месте, где только что гуляла пара крохалей. Но он не повернул за сносимой течением птицей, а, не меняя направления, зашлепал дальше.

– Чанг, назад! – послышался спокойный, даже ласковый голос.

Чанг встряхнул длинными лохматыми ушами, остановился, поводя носом, и круто повернул влево. Догнав птицу, спаниель схватил ее за крыло и, все так же высоко над водой неся голову, поплыл обратно. Течение немного снесло его. Он выбрался на берег рядом с моими удочками, положил птицу на песок и стал отряхиваться, обдав меня дождем холодных брызг.

– Вот невежа! Перестань!

Из кустов вышел хозяин собаки, грузный, круглолицый, с ежиком седых усов. Он одет в короткий стеганный ватник, на ногах высокие болотные сапоги.

– Обрызгал? – сказал он, подбирая птицу.

– Ничего! – вытирая платком лицо, ответил я. – Хорошая добыча! Редкая.

– А я, знаете, не особенно уважаю крохалю, – возразил охотник. Он приподнял за шею птицу, разглядывая рану на голове.

Я воспользовался случаем, чтобы рассмотреть крохалю. Он – в черном сюртуке, белой рубашке. Зелено-черная голова заканчивалась острым копьеобразным клювом. Величиной он был с хорошую крикву, только длиннее и уже ее.

– Птица с виду ладная. Но мясо невкусное, рыбой отдает, – пояснил охотник, присаживаясь и устало кряхтя. Собака легла рядом. – Набегались мы с тобой, Чанг. Давай-ка, дружище, посидим, отдохнем.

Чанг одобрительно замахал обрубок хвоста.

– Новичок, наверно? – кивнул я на собаку. – Обучается?

– Уже, можно сказать, старик. Пятый год. Золотая собака. – Хозяин ласково провел ладонью по черному шелковистому жилету спаниеля. – Без нее половину добычи потеряешь. Упадет битая утка в самую топь – как ее достанешь? Облизнешься и пойдешь несолоно хлебавши. Или взять подранка. В такую глушь забьется, что днем с огнем не найдешь. А

Чанг быстро свое дело сработает: и подранка схватит, и битую из топи вынесет. У вас, кажется, клюет. Вон на том, где пробковый поплавок.

Я подсек. Леса натянулась. В глубине тускло блеснул бок рыбы. Потом леса вдрут провисла, и я вытащил пустой крючок.

– Сошла, – сочувственно прищелкнул языком охотник. – Жалко. У вас, значит, тоже охота... А я больше с ружьем. Люблю походить. Да вот хотя бы сегодняшний случай взять. Унесло бы крохали течением, застрял бы где-нибудь в кустах. А Чанг, пожалуйста, слазил и достал.

– А отчего он вначале не хотел брать птицу? – поинтересовался я.

– Хотеть-то он хотел, да со следа сбился. Это бывает.

– Ну что вы! – удивился я. – Какой же может быть след на воде? Да и зачем след, когда птицу и так видать?

– Э, батенька! Да ведь если бы у Чанга глаза были. Он у меня слепой.

– Слепой!.. – Я даже весь повернулся от изумления. – Совершенно слепой? Да не может быть!..

Я пристально и недоверчиво посмотрел на Чанга. Он лежал, положив морду на мохнатые белые лапы в черных пестринках. В его глазах не было ничего странного. Светло-карие, внимательные, умные глаза опытной охотничьей собаки.

– Не верите? – усмехнулся хозяин. – Давайте продемонстрирую. – Он достал из ягдташа ломоть хлеба, отщипнул от него кусочек. Спаниель насторожился, оживленно задвигал влажными, точно резиновым, носом и уставился на хлеб.

– Чанг, лови! – крикнул хозяин и подбросил высоко вверх корочку хлеба.

Но Чанг не встрепенулся, не запрыгал, как это обычно делают собаки при виде летящей подачки, он спокойно стоял, вопрошающе глядя на хозяина. И только когда корочка упала шагах в пяти от него, он тряхнул своими мохнатыми ушами и побежал на звук упавшего хлеба.

– Видели? – спросил охотник, бросая собаке весь ломоть. – Хлеб уже летит, а он об этом не подозревает, ждет, когда я брошу.

Этот простой опыт почти убедил меня. Но оставалось непостижимым все поведение собаки. До этого она вела себя совершенно так же, как обыкновенная, зрячая, ничем не вызывавая свою слепоту.

– Вы давеча заметили, что Чанг было промахнулся, плывя за убитой птицей?

– Да, заметил. Только принял это за баловство новичка.

– Нет. Это он со следа сбился. На минутку порвалась ниточка птичьего запаха, которая вела Чанга к добыче. Но Чанг молодчина! Быстро нашелся.

Спаниель благодарно циркнул по песку обрубком хвоста, понял, что его похвалили. А может, в добром голосе хозяина почуял к себе ласку. Я с уважением посмотрел на Чанга.

– Ну как же он ослеп?

– Сам не знаю, – покачал головой хозяин. – Может, таким и родился. Как узнаешь, что он слепой? Вы вот до сих пор не можете с этим согласиться. Ведь он совсем не похож на

слепого. Ни обо что не спотыкается, с собаками, как и все, бегает, играет. Убежит от меня далеко – свистну, и он прямехонько мчит обратно. И по дичи промаху не делает. Ни одной утки не потерял. А главное – глаза такие умные, понимающие! Разве подумаешь, что эти глаза совершенно ничего не видят? Я-то и сам узнал о его слепоте случайно, вот так же бросив ему хлеб. Сначала не верил, а потом, со временем, убедился.

У меня опять клонуло. На этот раз я благополучно вытащил крупную плотвицу. Снимая ее с крючка, я неосторожно спросил:

– А не лучше ли вам завести другую собаку?

– А эту куда? – нахмурился охотник. – Пристрелить? Сдать на воротник? Да я, батенька мой, за него двух зрячих не возьму. Как-никак пять лет вместе. Он свой хлеб честно зарабатывает. Трудный хлеб, но честный. Пойдем, Чанг. Бывайте здоровы!

Охотник вскинул на плечо ягдташ, двустволку и зашагал напрямик в чащу леса. Чанг бодро вскочил и побежал за хозяином. Он уверенно продирался через заросли, тычась мордой в лозу и повизгивая от нетерпения.

Я долго глядел ему вслед и теперь уже не жалел убитую птицу.

СЛОВАРЬ

Палые (листья)	– опавшие листья.
Иволга	– певчая птичка из отряда воробьиных с звонким голосом.
Плес	– 1) широкое водное пространство между островами; 2) участок реки, однородный по своим судоходным свойствам.
Крохаль	– род птиц семейства утиных, питающийся преимущественно рыбой.
Палить из ружья	– стрелять часто, залпами.
Дробь	– здесь: мелкие свинцовые шарики для стрельбы из охотничьего ружья.
Ситник	– здесь: луговая сорная трава, по внешнему виду напоминающая злаки (растения со стеблем в виде соломинки и с мелкими цветками в колосьях или метелках).
Спаннель	– порода охотничьих собак.
Пролысина	– незаросшее, не покрытое волосами, шерстью пятно.
Невежа	– грубый, невоспитанный.
Грузный	– тяжеловесный.
Сюртук	– мужская двубортная одежда в талию с длинными полами.
Кряква	– дикая утка.
Топь	– топкое, вязкое место.
Подранок	– зверь или птица, раненные охотником.
Ягдташ	– охотничья сумка для дичи.
Подачка	– кусок еды, брошенный животному.
Ломоть	– отрезанный ножом плоский кусок хлеба, пирога.
Давеча	– недавно, незадолго до момента разговора.

Плотвица	– небольшая пресноводная рыба из семейства карповых.
Двустволка	– двуствольное ружье.
Лоза	– дерево, кустарник некоторых пород ив.

ЗАДАНИЯ

1. Почему охотник продолжал брать Чанга на охоту, а не оставлял его дома? На одном из уроков возникли такие предположения:

- В
Ы
Б
Е
Р
И
- Должна же быть от собаки хоть какая-то польза!
 - Собака тосковала бы дома без хозяина.
 - Хозяину с собакой в лесу не так скучно.
 - Хозяин Чанга очень хотел, чтобы пес чувствовал себя настоящей охотничьей собакой.

Кому из отвечавших тебе захотелось возразить? Приведи доводы в защиту твоей позиции.

2. Какой из афоризмов более всего соответствует главной мысли рассказа Евгения Носова?

- В
Ы
Б
Е
Р
И
- Лучший способ сохранить своих друзей – не предавать их.

У. Мизнер

Не богатство – друг, а друг – богатство.

И. Стобей

✎ 3. Дома. Напиши письмо-отклик на газетную статью, которую обсуждали в пачале урока.

Перед тем, как писать, реши для себя:

Кому оно будет адресовано?

Хозяину убитой собаки.

Коллективу редакции газеты.

Автору статьи.

Детям охотника.

Чего ты хочешь добиться своим письмом?

Какие мысли, возникшие по ходу чтения и обсуждения рассказа Е. Носова, можно было бы использовать при написании такого письма?

ВОКРУГ НАС – МИР

1. Вспомни уже знакомые тебе афоризмы.

Закон, живущий в нас, называется совестью.

И. Кант

Некоторые неписанные законы тверже писаных.

Сенека

Нравственные качества справедливого человека вполне заменяют законы.

Менандр

В
Ы
Б
Е
Р
И

Руководствуясь своей совестью, здравым смыслом, обратившись к жизненному опыту литературных персонажей, попытайся сформулировать один из главных, по твоему мнению, нравственных законов для людей нашего с вами МИРА.

Какой закон предлагает твой сосед (соседка) по парте? Обсуди с ним (с ней) ваши варианты. Постарайся прийти к соглашению и предложи общую формулировку.

2. Представь такую ситуацию. Издательство объявило конкурс на лучший сборник текстов, иллюстрирующий, поясняющий общечеловеческие нравственные законы. И ты решил(а) принять участие в таком конкурсе.

1) О чем надо обязательно подумать до начала творческой работы по созданию своего варианта такого сборника?

- Надо решить, что может войти в этот сборник: какие тексты из уже изученных, целиком или фрагментарно, в том числе и афоризмы.
- Необходимо помнить об идее, объединяющей все отобранные тобой для сборника материалы.
- Важно определить последовательность расположения материала в сборнике.
- Хорошо было бы продумать и “внешний вид” сборника: его первый лист – титульный, возможные рисунки, разные шрифты, расположение материала на странице и т.п.

При подготовке проекта тебе могут пригодиться следующие тексты:

а) из книги Ю. Хечинова

АНГЕЛЫ-ХРАНИТЕЛИ. СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВА

(Москва, 1993)

“Тифлисский листок” поместил тогда (в 1914 году, в период первой мировой войны. – *Примечание редактора*) небольшую заметку о трогательном эпизоде, произошедшем на Кавказском фронте:

“В перерыве между перестрелками, когда окопы одной и другой стороны сдвинулись так близко, что казалось, неприятеля удерживает от бегства только один безграничный ужас, когда вся площадь боя словно замерла, вздыхая лишь тяжкими стонами невидимых жертв, из русских окопов вдруг поднялась женщина. В дымном воздухе блеснула белая косынка, блеснул пурпурный знак Креста. Это сестра С., движимая любовью, бежала в промежутке между окопами туда, где нужна была помощь ее маленькой руки и ее большого сердца. Казалось, минута, и пуля сразит победившую в себе страх героиню, но из турецких окопов высунулись любопытные головы, поднявшиеся было ружья сами собой опускались, и... на всем протяжении вражеских окопов бурной волной прокатились рукоплескания. “Браво, ханум!” – кричали пораженные неожиданностью враги, между тем как виновница этих оваций на поле битвы спокойно исполняла свой долг.

Минутой перемирия отметили мужество женщины турецкие солдаты, зачарованно наблюдавшие за тем, как сестра милосердия перевязывала без разбора раненых и стонущих

солдат, своих и чужих. Было видно, как на глазах у турок блестили слезы. Жаль, очень жаль, что мы не знаем имени героини”.

“Не меньшие подвиги, граничащие с самопожертвованием, совершали сестры милосердия, добровольно выразившие желание работать с инфекционными больными, нередко становясь жертвами этих болезней. [...]”

На Кавказском фронте Мария Николаевна Агапова, врач-ординатор 2-го самарского лазарета Всероссийского земского союза в возрасте двадцати пяти лет пала жертвой тифа, заразившись им во время ухода за больными пленными турками”.

б) краткая информация о Н.И. Пирогове

ПИРОГОВ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ (1810–1881) – русский хирург, педагог, общественный деятель, внесший значительный вклад в становление военно-полевой хирургии. Этот человек способствовал организации движения сестер милосердия в России в период военных действий в Крыму в 1853–1856 годах. Позднее, в 1867 году, это движение оформилось в Российское общество попечения о раненых и больных воинах, переименованное в 1879 году в Российское Общество Красного Креста (РОКК).

2) Подготовь (один или с товарищами по классу) свой проект такого сборника.

Учебное издание

ВОКРУГ ТЕБЯ – МИР...

Книга для ученика

5 класс

Авторский коллектив:

А. Делетроз, В.Ю. Выборнова, М.Р. Савова, А.М. Розов, В.В. Шишкина

Редактор: Пеняева Л.В.

Технический редактор: Каренина Г.П.

Корректоры: Богачёва О.Н., Круглянская Н.А., Чернышева Т.И.

Оригинал-макет: Домогатская Л.А.

Сдано в набор 22.03.96 г. Подписано к печати 14.05.96 г. Формат 84 × 108/16. Бумага офсет № 1. Печать офсетная.
Усл.печ. л. 6.0. Тираж 2300000 (1-й завод 500000). Заказ 2291.

Международная академическая издательская компания "Наука"
117864 Москва, ул. Профсоюзная, 90

Ордена Трудового Красного Знамени
Чеховский полиграфический комбинат
Комитета Российской Федерации по печати
142300, г. Чехов Московской области

Бесплатно

Распространяется Международным Комитетом Красного Креста в школах Российской Федерации